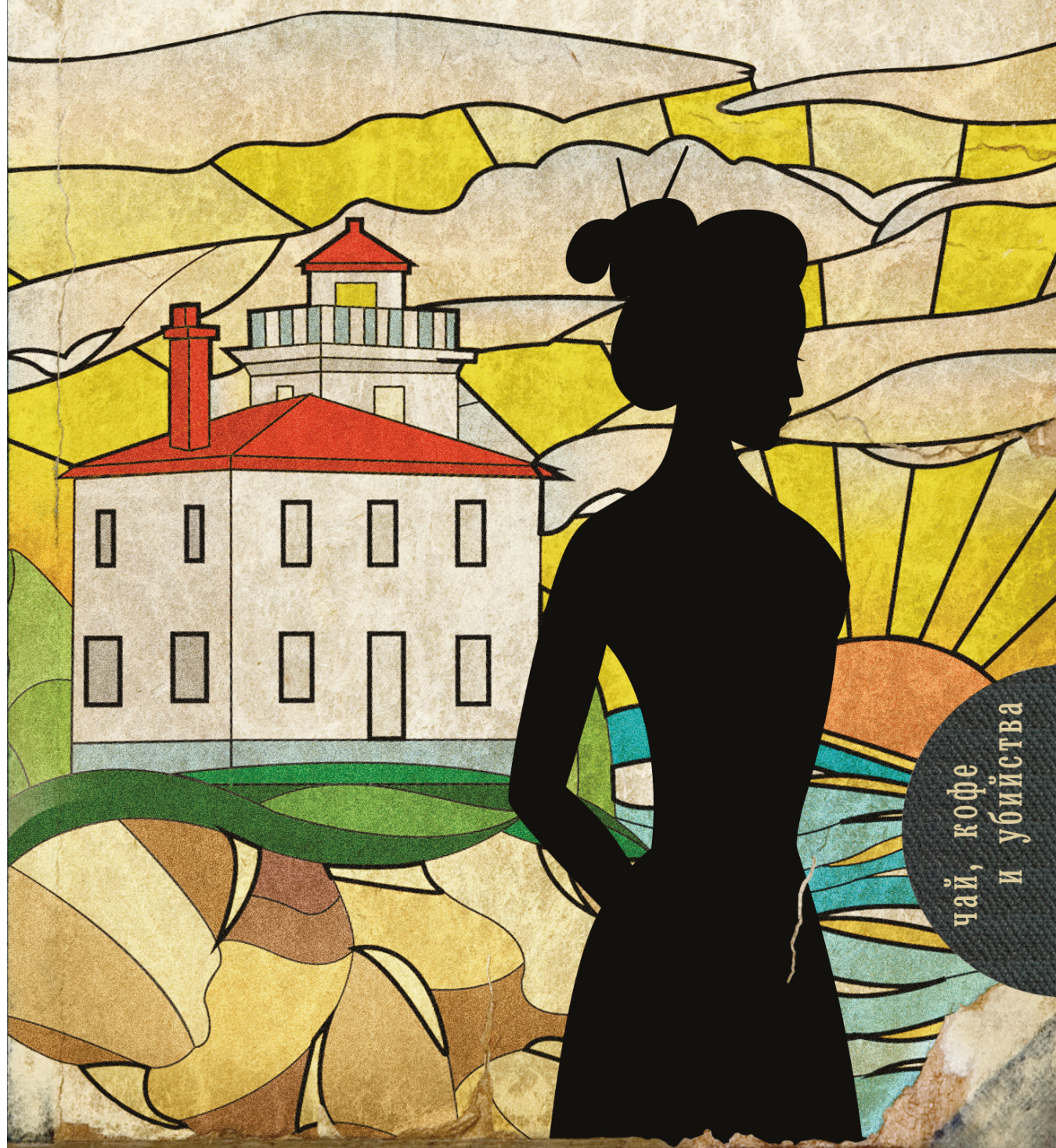

ДЖЕННИФЕР РОУ

МЕРТВАЯ
ХВАТКА

чай, кофе
и убийства

Чай, кофе и убийства

Дженнифер Роу

Мертвая хватка

«АСТ»

1995

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Аâñ)-44

Рой Д.

Мертвая хватка / Д. Рой — «АСТ», 1995 — (Чай, кофе и убийства)

ISBN 978-5-17-099230-0

Самое экзотическое дело Верити Бердвуд! «Седина в бороду – бес в ребро» – таково было общее мнение, когда знаменитый радиоведущий Макс Талли в семьдесят лет решил жениться на молодой красавице азиатке Мэй Тран. А впрочем, дело житейское – просто очередная хищница подцепила очередного старого богача... Однако события быстро приняли неожиданный оборот: сначала Мэй бесследно исчезла из дома Макса, а потом в саду нашли ее тело. Но кто убийца? Под подозрением оказываются многие – от бывшего мужа Мэй, славшего ей письма с угрозами и вынуждавшего вернуться к нему, до членов семьи Макса и его бывших жен, вовсе не намеренных делить богатое наследство с безродной выскочкой...

УДК 821.111-312.4(94)

ББК 84(8Аâñ)-44

ISBN 978-5-17-099230-0

© Рой Д., 1995

© АСТ, 1995

Содержание

Пролог	6
Глава 1	18
Глава 2	25
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дженнифер Роу Мертвая хватка

Jennifer Rowe
STRANGLEHOLD

© Jennifer Rowe, 1995

© Перевод. Т. А. Осина, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

С любовью и благодарностью Бобу

Пролог

Макс Талли дал своему дому название: «Третье желание». Оно вызвало удивление и интерес не только в узком кругу друзей и знакомых, но и в обширном, не поддающемся точному определению сообществе преданных поклонников – слушателей национального радио. Ни один человек, включая давнюю соведущую Изу Траби и столь же давнего продюсера Ангуса Бердвуда, знавшего Макса как никто другой, не представлял, что резкий, упрямый, острый на язык Талли способен таить в душе желания. Страсти – да. Ради воплощения страстных устремлений он действовал быстро и решительно, не заботясь о приличиях и последствиях. Потребности – разумеется. Все они удовлетворялись энергично, щедро, а если сталкивались с препятствиями в виде потребностей других людей, то и безжалостно. Но желания? Эфемерная субстанция, свойственная сказочным феям и мечтательным чудакам? Нет, для Макса это слишком мелко.

И все же дом получил название «Третье желание» – если вдуматься, чрезвычайно интригующее. Действительно, поскольку есть третье желание, то непременно должны существовать первое и второе. Друзья и враги – надо заметить, что Макс не испытывал недостатка ни в тех, ни в других, – размышляли, обсуждали, шутили, а потом без стеснения задавали вопросы. Как и журналисты, являвшиеся взять интервью якобы по поводу нового дома, а на самом деле в надежде услышать пикантные подробности о прекрасной таинственной незнакомке по имени Ингрид, с которой Макс в последнее время часто появлялся. Впрочем, в ответ на вопросы он лишь заразительно хохотал. Его смех плохо сочетался с невысокой жилистой фигурой и худым загорелым обезьяньим лицом. Он снисходительно объяснял:

– Дорогая (или «дружище», если спрашивал мужчина), я впервые побывал на море в десять лет. Всю жизнь провел в Сиднее, однако пляж видел лишь на картинках. Верите? И вот в десятый день рождения наконец-то решил прогулять школу и отправиться в Бонди. Сам не знаю зачем. Просто так. А когда очутился на белом горячем песке, долго стоял неподвижно, не понимая, что со мной происходит. – Он качал головой и надолго умолкал, погрузившись в воспоминания. – Представьте: одинокий, никому не нужный тощий паренек без гроша за душой вдруг оказался лицом к лицу с Тихим океаном. Загадал три желания и поклялся исполнить их. Абсолютно серьезно, без тени игры или шутки. – Маленькие темные глаза за стеклами очков в роговой оправе смягчались, голос затихал.

– Прекрасный дом на берегу, – прервал журналист затянувшуюся паузу. – Составлял третье желание?

Макс кивал и окидывал взглядом сияющий дворец на вершине скалы, откуда открывался вид на безбрежный голубой океан. В стеклах очков блестело солнце.

– Потребовалось тридцать лет, но я все-таки получил его.

– А как насчет двух других желаний?

Снова низкий смех и широкая, напоминающая волчий оскал улыбка с проблеском золота.

– Ха! Второе желание – стать до неприличия богатым и знаменитым. О чем еще может мечтать бедный мальчишка?

– Оно тоже исполнилось?

– Да. Полагаю, что так.

– А первое?

Легкая гримаса, быстрый взмах руки.

– Что ж, два из трех – не так уж и плохо, правда? Не пора ли что-нибудь выпить? Знаете, недавно встретил одного парня...

Незаметно разговор переходил на другие темы. Лишь когда посетитель – очарованный, завороженный, польщенный, изрядно озадаченный – возвращался в город, перед глазами воз-

никал образ нищего мальчика на берегу океана. Хозяин дворца представал в новом облике. Глубоко тронутый, журналист прикинул к рулю и осторожно вел машину по узкому серпантину, опасно нависавшему над морем. Удивительный человек этот Макс Талли. Что за жизнь. Что за тайна? Какими мыслями полнится его голова? Каким было первое желание? О чем мечтал?.. И так далее. Вопросы возникали бесконечной чередой: в этом и заключался замысел кудесника.

«Третье желание» стало важной вехой в жизни Макса Талли. То обстоятельство, что он отлично знал, как использовать дом в рекламных целях, ничего не меняло. Тогда, на пляже Бонди, действительно настал незабываемый момент: тучи несчастного убогого детства разомкнулись, пропустив луч мечты и надежды. А по-настоящему Макс мечтал только о доме.

Достижение цели потребовало времени, энергии и денег. Покупка защищенного от посторонних взглядов, расположенного на обрыве особняка с живописным видом на океан и одним-единственным соседом оказалась самой простой частью проекта. Продававшие дом пожилые супруги Клайв и Мэри Скиннер пришли в восторг от знаменитого Макса Талли.

Нельзя сказать, что Мэри и Клайв сразу согласились продать дом, но дочь давно звала переехать поближе, в Таггерах, и они наконец-то решились. К тому же взбираться по высокой лестнице с каждым годом становилось труднее. Все это так. Но, с другой стороны, Клайв построил дом собственными руками. Здесь родились и выросли Сандра и Билл. Тут прошли почти пятьдесят лет жизни. С агентом по торговле недвижимостью супруги связались главным образом ради того, чтобы узнать цену и обдумать возможность продажи.

Однако уже на следующий день агент позвонил и попросил разрешения привезти клиента, заинтересованного в приобретении дома в этом районе. Более того, заинтересованного в приобретении именно их дома. Узнав имя покупателя, Мэри и Клайв не смогли отказать. Еще бы! Почти десять лет, изо дня в день, они слушали по радио голос Макса Талли. Этот обаятельный, остроумный человек стал частью их жизни, едва ли не членом семьи.

Когда Макс приехал, то действительно оказался почти родным. Позднее Мэри и Клайв рассказывали, что с трудом поверили собственным глазам: вольготно расположившись в старинном глубоком синем кресле, Талли беседовал так же свободно и увлекательно, как в эфире, а вот внешность слегка удивила: Макс выглядел в большей степени джентльменом, чем представлялся по голосу, и в то же время оказался значительно миниатюрнее. Впрочем, последняя особенность быстро утратила значение. Гость заговорил о доме, не скрывая, что давно влюблен в это восхитительное место, и сразу предложил такую сумму, о какой мистер и миссис Скиннер даже не мечтали.

Прежде чем принять окончательное решение, Мэри и Клайв хотели бы спокойно подумать. Что ни говори, а расставаться с родным гнездом непросто. К сожалению, Макс (а он настоял именно на таком обращении) ждать не мог. Покупать нужно было сейчас же, немедленно. Они даже не поняли причину спешки. Клайв решил, что дело в работе, налогах или еще в чем-то подобном. Мэри не сомневалась, что Макс очень скучает по маленькой дочери, оставшейся с матерью, его бывшей женой. Она помнила, как он сказал, что развод — это ужасно, и как хорошо, что они с Клайвом нашли друг друга и вместе идут по жизни и в радости, и в горе. Мэри уточнила, что пятьдесят лет брака незаметно пролетели в этом доме, а Макс задумчиво заметил, что здесь чувствуется любовь и царит настоящая семейная атмосфера. После этих слов Мэри стало жаль человека, которому ни слава, ни деньги не принесли настоящего счастья.

В кухне, убирая чайную посуду, Мэри и Клайв тихо переговаривались с агентом, а Макс сидел в гостиной и смотрел на океан. Агент уверенно заявил, что второго такого шанса не представится. И они решились на продажу. Вот так, сразу, не оставив себе времени на сомнения. Вообразили, в какой восторг придет Макс, услышав о согласии. И он действительно очень обрадовался. Горячо пожал руку Клайву, а Мэри крепко обнял, расцеловал в обе щеки и про-

шептал слова благодарности. И вот через шесть недель Мэри и Клайв с легким головокружением и подписанным мистером Талли чеком отправились на поиски лучшей жизни.

В тот же день Макс явился в дом, отныне безраздельно принадлежавший ему, остановился в гостиной возле окна, сунул руки в карманы и, глядя на океан, вспомнил Мэри и Клайва. Чудесная пожилая пара. Трудолюбивые, добрые люди. Хотелось, чтобы в Таггерахе они нашли новое счастье. Медленно прошел по дому, с удовольствием осматривая простые пропорции трех спален – розовой, голубой и лимонной; восхитился сверкающей чистотой старомодной кухни с застекленными шкафами; по достоинству оценил пресс для белья, спрятанный в нише холла. Мебели уже не было, однако атмосфера дома волновала ничуть не меньше, чем во время первого визита.

Выйдя, Макс сорвал возле крыльца несколько цветков гардении, и сладкий аромат наполнил салон машины. Жаль, что роскошный куст не переживет завтрашнего разрушения. Нужно будет обязательно посадить новый.

Воплощение своей мечты Макс увидел в журнале – в рекламе какого-то ликера. Розовый дом выгибался навстречу океану подобно роскошному лайнеру. Золотистый свет множества огромных окон падал на гребни зеленоватых волн и встречался с лучами заходящего солнца. Красивую картинку и фотографию места Макс показал четверем знаменитым архитекторам. Сэмюэл Най покачал лохматой головой и сразу отказался. Линли Смит поправил галстук, вежливо выслушал, а через шесть дней прислал записку с извинениями: к сожалению, только что получил другой срочный заказ. Худой энергичный Джонатан Чемберс выразил энтузиазм, лично осмотрел место строительства и вскоре представил проект, напоминавший первоначальный образ лишь постольку, поскольку в его доме тоже присутствовали стены, крыша и обращенные к морю большие окна. Заявил, что дух замысла полностью сохранен. Возразив, что никакого духа не осталось и в помине, Макс послал архитектора куда подальше.

Гектор Пейн с первого взгляда удивил прической: оставшиеся вокруг обширной лысины волосы он не стриг, а связывал в длинный тонкий «хвост». Выслушав предложение, архитектор широко улыбнулся, сказал: «Почему бы и нет, если деньги не проблема?» – и принялся подробно выяснять количество спален и ванных комнат. Пять спален наверху, пояснил Макс, все со смежными ванными. Еще две ванные комнаты внизу. Квартира экономки. Кабинет с прилегающей звуконепроницаемой радиостудией. Приличная удобная кухня, где можно свободно двигаться, – хозяин любит готовить. Бильярдная. Бассейн. Просторная светлая гостиная с видом на море, где не стыдно принимать гостей. Как звучит? Перебрасывая карандаш из руки в руку, Гектор Пейн ответил, что звучит как лучшая на свете музыка. Вечером, по пути домой, купил бутылку дорогого шампанского и розы жене. За ужином сказал, что, если дело выгорит, будет великолепно, и жена улыбнулась. Она занималась журналистикой и в последнее время часто пребывала в дурном расположении духа, но розы любила, как и французское шампанское. Да и самого Гектора тоже.

– Каков Макс Талли в жизни? – спросила жена. – Так же груб, как в эфире?

– Еще грубее. И значительно меньше, чем представляется по голосу. Однако есть в нем нечто...

Жена глубокомысленно кивнула и снова наполнила бокалы. Верхняя пуговица на блузке как-то сама собой расстегнулась.

– Говорят, в постели он просто зверь, – заметила она. – Самый настоящий зверь. Барбара Байерс рассказывала...

– К чертям Барбару Байерс! – усмехнулся Гектор, разгоряченный шампанским и перспективой больших денег. – Сейчас увидишь, кто здесь зверь, женщина!

Он потянулся через стол, жена довольно рассмеялась и руку не оттолкнула.

Следующие несколько месяцев Максусу пришлось направлять поток своей безграничной энергии на достижение поставленной цели: воплотить в реальность милые рисунки Гектора Пейна. К счастью, Талли любил хорошую драку и никогда не уставал от преодоления трудностей. Блестя прикрытыми стеклами очков маленькими черными глазками, он набрасывался на каждого нового оппонента своей мечты подобно неутомимому гладиатору, разящему одного противника за другим. Радуюсь победам кумира, сочувствуя ироничным отчетам о временных неудачах и редких поражениях, слушатели изо дня в день преданно внимали рассказам о битвах с муниципалитетом, стычках с соседом, спорах с водопроводчиками, пререканиях с электриками, дискуссиях с поставщиками строительных материалов, переговорах с телефонной компанией. И не только внимали, но и звонили в студию, чтобы пожелать стойкости и успеха. Делились увлекательными воспоминаниями о собственных попытках построить беседку, перголу, домашний офис, флигель для бабушки или дорожку, убрать деревья, выкопать погреб или развести кур, вопреки злой воле соседей. Единомышленники пылко осуждали очевидное стремление местных властей пресечь любое яркое, полезное, практичное или интересное начинание в пользу тусклых, а порой и откровенно безобразных, проектов. Доброжелатели давали ценные советы, призывали на помощь Бога и присылали по почте пироги.

Сидя в кухне чистого, опрятного дома, вот уже почти два года принадлежавшего ей одной, Соня Талли пила чай и между выпусками новостей, беседами с гостями, музыкой и прогнозами погоды слушала отчеты бывшего мужа о строительных буднях, больше напоминавших боевые сводки. Когда в эфире звучали голоса восхищенных слушателей, а в ответ раздавался низкий, густой смех Макса, губы ее сжимались в тонкую линию. Вся эта история с новым домом вполне в его духе. Он просто не мог жить без проблем. Почему не купить готовый особняк? Денег у него достаточно. А уж если строить, то почему не так, как нормальные люди? Зачем затевать ненужную суету, создавать лишние проблемы? Почему у Макса все должно быть особенным, из ряда вон выходящим? Можно подумать, будто обычные вещи его недостойны. В душе росла и зрела неприязнь.

Всегда, всегда Макс был таким. Отец предупреждал еще до свадьбы... Да, папа уже тогда все знал и говорил: «Тебе придется крепко держать его, Соня. Потребуется немало сил. Не хочу сказать, что парень совсем плох: сердце у него доброе, – но не забывай, что твоих преимуществ у Макса нет. Вряд ли можно целиком на него положиться».

Бедный папа! Разумеется, он не ошибся. И, несмотря на слова о добром сердце, наверняка попытался бы помешать свадьбе... если бы не ребенок. Но в девятнадцать лет Соня оказалась в положении, так что даже если бы не влюбилась по уши, все равно вышла бы замуж. Об аборт в те дни лишь шептались по углам, а о том, чтобы растить ребенка одной, не могло быть и речи. Позор убил бы мать и помешал карьере отца. Разумеется, отдать Уэнди в чужую семью Соня даже не помышляла.

Она и сама была почти ребенком, не понимала, во что ввязывается. С ума сходила по Максусу, который отличался от ее прежних парней и оттого казался чарующе экзотичным. По сравнению с ним остальные выглядели такими... молодыми. Соня вспомнила, как в ресторане «Сирень» он явился на смену прежнему кондитеру, и все вокруг мгновенно изменилось. Она и представить не могла, что работа бывает настолько интересной. Как и прежде, шесть дней в неделю приходила к восьми тридцати, но теперь вместо ворчливого старого Фреда, от которого доброго слова не дождешься, в кухне царствовал божественный Макс: без усталости месил тесто; дюжинами лепил торты, пироги, кексы и булочки; в белой футболке парился возле духовки, насвистывая и напевая, поигрывал мускулами; улыбался, поддразнивал и сыпал бесконечными шутками.

Нет, красивым он не был. Соня знала это. Но никто прежде не заставлял ее смеяться с утра и до вечера. Никто не флиртовал, не дарил ощущения собственной женской привлекательности и полной безопасности. Пока Макс находился рядом, не могло случиться ничего

плохого. Он в равной степени знал законы и повадки уголовников и полицейских, и оттого Соня увереннее чувствовала себя в мире, оказавшемся более непредсказуемым и опасным, чем представлялось ее родителям. Макс никогда не терялся. Услышав в свой адрес брань, сразу отвечал бранью. А если субботним днем, во время тайной поездки на поезде, в вагоне появлялся пьяный, немедленно наводил порядок.

Когда настала пора познакомить Макса с родственниками и друзьями, Соня подавила смущение и неловкость, убедив себя, что никто не сумел понять любимого так, как она. Вдвоем они чудесно проводили время, и все же Соня намеревалась последовать совету отца и проявить волю. Собиралась с самого начала захватить власть: хотела помочь Максиму, помирить его с прошлым, создать для него дом, найти цель, ради которой стоило работать, – совсем как в кино.

Первое время все так и складывалось. Пару лет они жили замечательно. Сняли маленькую квартирку – две комнаты, кухонька и ванная, – и этого вполне хватало. Макс обожал Уэнди: как только отец возвращался с работы, светловолосая кудрявая малышка не отходила от него ни на шаг. И он прекрасно с ней занимался, хотя порой не знал меры: тормошил и подкидывал до тех пор, пока у девочки не начинала кружиться голова. Уэнди любила эти игры. И Макс тоже. Правда, потом Соне приходилось успокаивать дочь, кормить и укладывать спать. Детям необходим режим, но объяснить это Максиму оказалось невозможно. Ему вообще ничего нельзя было объяснить.

Например, он так и не понял, что жизнь не могла оставаться такой же, как до рождения Уэнди, – с бесконечными вечеринками, ночными походами из одного паба в другой, беспорядочной едой и прочими безумствами. Не понял, как материнство меняет женщину. После целого дня возни с Уэнди Соня смертельно уставала, а когда наконец поздно вечером добиралась до постели, меньше всего на свете думала о сексе, тем более что дочка спала в кровати здесь же, у противоположной стены. Но Макс думал лишь об одном: секс, секс, секс и твердил об этом подобно испорченной пластинке, словно на свете не существовало ничего другого. Соня чувствовала себя куском мяса и никак не могла понять, почему он так часто этого хотел. Как правило, мужчины не нуждаются в непрерывном совокуплении – во всяком случае нормальные.

Однажды Соня проснулась среди ночи и обнаружила мужа в гостиной: тот услаждал себя на диване, раскрыв какой-то эротический журнал. Не смогла забыть своего ужаса, страха и растерянности: оказывается, до сих пор она совсем не знала человека, с которым жила, – грязного, безобразного, чужого. Он совсем не любил ее и не дорожил совместной жизнью. Не считался с чувствами жены, не уважал потребностей и желаний. Если чего-то хотел, то просто делал – тайно, не обращая на нее внимания.

Поначалу Макс пытался отшутиться, однако Соня продолжала плакать, и в конце концов он рассердился и закричал:

– Чего ты ожидала? Я не могу жить как чертов монах! По-твоему, лучше снимать шлюх?

Она тоже закричала, назвав его грязным и мерзким, и оттолкнула, едва он попытался прикоснуться. И тогда Макс сорвался. С искаженным бешенством лицом поднял на нее руку, а потом побелел так, что Соня испугалась, хлопнул дверью и ушел. На следующий день явился, и они ни словом не обмолвились о том, что произошло. Вскоре жизнь вошла в норму. Альтернативы все равно не существовало: приходилось думать об Уэнди и родителях, – но вернуть прежние чувства к мужу Соня уже не смогла. Никогда. Через несколько лет Макс оставил попытки наладить отношения с женой и пошел своим путем. Ссорился и даже дрался с хорошими людьми, путался со странными типами, по пятницам вел в пабе глупое, непристойное шоу. Едва дочери исполнилось пять лет, бросил хорошую работу, а все, что нажили вместе, вложил в вечернюю программу на радио. Через пару месяцев Макса передвинули на дневное время – сначала поставили в пару с вульгарной грубиянкой Изой Траби, а потом перевели в амплуа солиста. Известность не заставила себя ждать, а вместе с ней появились женщины. В

первую очередь, разумеется, Иза. Всегда Иза. Но и другие тоже. Дюжины, если не сотни женщин. Как только Макс прославился, они вцепились в него мертвой хваткой. Отвратительно и нелепо. Пока работал кондитером, ни одна из этих поклонниц на него даже не смотрела.

Если бы они знали, эти женщины, что значит жить с таким человеком, как Макс. Что ж, пусть попробуют. Очень быстро поймут, что к чему. В том числе и последняя подружка – гламурная штучка Ингрид Файф. Думает, будто поймала ценную добычу. На фотографии улыбается, как кошка, которая наелась сметаны. В интервью признается, что намерена выйти за Макса Талли замуж. Ничего, скоро узнает правду. Сразу, как только тот начнет шлаться по ночам, приводить домой пьяных приятелей, смотреть своим хитрым упрямым взглядом и отвергать любые разумные доводы. Да и Макс быстро сообразит, кого потерял. Соня представить не могла, что Ингрид будет стирать носки и гладить рубашки. Или мириться с безумными идеями. А сама она целых двенадцать лет все это делала. Двенадцать лет пыталась создать Максу дом, из которого он просто ушел, словно там не было ничего, кроме пустоты.

Соня ссутулилась, обхватила чашку обеими руками и сжала колени. Боль в животе тянула и крутила. В последнее время, как бы аккуратно она ни питалась, боль не исчезала. Уэнди вернется из школы не скоро. В доме полный порядок. В магазины уже сходила. На окне, между стеклом и жалюзи, зажужжала муха. Соня сидела, неподвижно глядя в пространство, и слушала голос Макса.

Через год после отъезда Мэри и Клайва «Третье желание» обрело заверченный вид – с нависающего над океаном бассейна до витой медной решетки на камине в просторной гостиной и пушистых белых полотенец, аккуратно сложенных в зеркальных шкафах многочисленных ванных комнат. Из того, что построил своими руками бывший хозяин, остались лишь каменные ступени, ведущие с дороги к дому. Теперь крутую лестницу окружали пышные заросли тропических кустарников и аккуратные большие пальмы, привезенные из питомников на грузовиках, с обернутыми мешковиной корнями, и послушно прижившиеся в щедро обогащенной почве.

Макс явился в роскошные владения на закате, за день до собственного сорокалетия. Въехал медленно, бережно ведя «мерседес» по затененной аллее, наслаждаясь шуршанием толстых шин на мелком красном гравии, шепотом бамбука и банановых пальм, спустивших ветки так низко, что листья касались сияющего металла. Остановился перед домом, выключил зажигание и замер, вслушиваясь в шум волн у подножия скалы. Настал час прилива. Макс взял сумку и вышел из машины, решив, что сегодня не надо ставить ее в гараж. Пусть побудет здесь. Дом словно купался в розовом свете – безупречный, нетронутый, девственный – и ждал хозяйина.

Ингрид понятия не имела, куда отправился Макс. Если бы узнала, непременно тоже захотела бы поехать, чтобы разделить с ним первую ночь. Поэтому Макс постарался не выдать планов. Глядя из-под полуопущенных век, как эффектная подруга раздевается в своей элегантной спальне, он часто и с удовольствием представлял ее на королевской кровати в «Третьем желании»: вечером – прохладной, гладкой, соблазнительной в черном шелке. Утром – великолепно обнаженной и необузданной, удовлетворенно и лениво смыкающей веки в потоке света, такого же яркого, как ее спутанные волосы. Но все это потом, позднее. А сегодня дом должен принадлежать ему, и больше никому.

Сжимая в руке ключ, Макс поднялся на крыльцо. В теплом морском воздухе запах краски смешался с ароматом гардений.

В «Третьем желании» время текло плавно. Дни измерялись приливами и отливами, месяцы отсчитывались растущей и убывающей луной, годы венчались пышным цветением гардений у порога. Розовая штукатурка сияла в солнечных лучах. Пальмы росли. Бамбук по обе

стороны подъездной аллеи энергично выбрасывал побег за побегом. В теплом влажном климате кусты, деревья и лианы буйно росли и цвели. Светлыми вечерами загорелые мужчины и женщины, нежившиеся на палубах белоснежных яхт и круизных лайнеров, замечали на берегу огни и показывали друг другу дом Макса Талли – «Третье желание». Вульгарно. Слишком ярко. Невероятно дорого, стоит целого состояния. Они выстраивались вдоль борта, задирали головы и прищуривались, чтобы лучше разглядеть на террасе знакомую фигуру: обычно Макс в своей фирменной цветастой рубашке стоял, облокотившись на перила, и смотрел на океан.

Иногда рядом появлялась светловолосая девушка. С обожанием глядя на Макса, внимательно слушала его. Было ей лет шестнадцать, семнадцать, восемнадцать. Уэнди Талли, единственный плод долгого союза великолепного Макса с рано увядшей респектабельной женщиной, ставшей его первой женой. Соня Талли умерла от рака, и теперь Уэнди жила во дворце вместе с отцом.

Часто на террасу выходила женщина – высокая, роскошная, со спускавшейся на плечи пышной гривой. Пять с лишним лет волосы оставались золотистыми. Это была Ингрид Талли, вторая жена и мать маленького Дугласа Талли. Она вышла замуж за Макса в тот самый год, когда он окончательно обосновался в «Третьем желании». Светские издания называли свадьбу событием года. Барбара Байерс, сладкоречивый редактор самого глянцевого из всех глянцевых журналов, лично составила эксклюзивную подборку фотографий. В изящной рамке из кружевных сердец Ингрид являлась задумчивой невестой в воздушной фате и в венке из живых цветов, со скромно опущенным взглядом. В следующей рамке Ингрид, только что ставшая женой, ослепительно улыбалась, положив ладонь на рукав мужа. Затем Ингрид и Макс целовались.

– Обезьяна целует Грейс Келли, – заметила Барбара. – И все же девушке несказанно повезло. Ничто не мешает ему оставить шлепанцы под моей кроватью. – А поскольку Макс никогда не проявлял ни малейшего интереса, добавила: – И какие деньги!

Семейное счастье продлилось недолго. Через три года Ингрид забрала двухлетнего Дугласа и ушла – или ее выгнали (можете принять любую версию). Барбара Байерс утверждала, что выгнали, а она знала все. С тех пор цвет волос на террасе менялся каждые несколько месяцев, по мере того как рядом с Максом и в его пылких объятиях появлялись все новые и новые красавицы.

Случались и вечеринки. Много вечеринок – шумных многолюдных веселых сборищ, когда из окон «Третьего желания» доносилась громкая музыка. Здесь собирались звезды. Они были друзьями и знакомыми Макса, а также спутниками и спутницами друзей и знакомых. Королевы мыльных опер и девочки из пивных падали в бассейн. Актрисы неопределенного возраста пели возле рояля вместе с продюсерами радио и телевидения. В кухне, пока Макс готовил гостям сырные слойки и сосиски в тесте, безработные комедийные актеры рассказывали анекдоты топ-моделям. На узкой улице возле дома выстраивались шеренги «роллс-ройсов», «ягуаров» и «мерседесов». Впрочем, попадались здесь и более скромные автомобили, потому что звезды, переживающие не лучшие времена, тоже должны как-то перемещаться.

Раздражительный сосед негодовал и жаловался в полицию, однако там мер не принимали. Он собирался продать свой дом и уехать, потому что без Клайва и Мэри жизнь стала невыносимой. Впрочем, Скиннеров сосед тоже недолюбливал: за двадцать лет не перекинулся с ними и десятком слов, – но те хотя бы вели себя тихо. Успешное противостояние намерению Макса возвести между участками каменную стену оказалось пирровой победой. Деревья на границе по-прежнему росли вдоль покосившейся проволоочной изгороди. Ворчливому старожилу не пришлось платить за высокий забор, окружавший его землю вместе с землей Макса, однако из-за этого две территории объединились, а сам он оказался в отвратительной близости к чудовищному богачу.

Не так-то просто обвести меня вокруг пальца, думал упрямец, скорчившись перед телевизором, в то время как сквозь тонкие стены в комнату врвалась музыка. Сосед знал, что

клоун мечтает купить и его дом, чтобы снести, но он не позволит. Скорее продаст на сторону за пригоршню гвоздей и банку собачьего корма, чем уступит Макс Талли.

Жизнь на скале текла своим чередом: люди с любопытством глазели издали, читали в журналах сплетни и утром постоянно слушали программу Макса, бесконечно раздувая рейтинги. В итоге рекламное время настолько поднялось в цене, что стало практически недостижимым. Хозяева радиостанции, включая Ангуса Бердвуда, который к этому времени из работодателя превратился в личного друга, с трудом сохраняли спокойствие во время подписания очередного контракта, когда неизбежно возникали слухи о переходе звезды на телевидение, а сам Макс становился особенно колючим, ироничным и несговорчивым. В конкурирующих компаниях сотрудники сменялись подобно партнерам в кадрили, возмущенно и обиженно покидая студию после нескольких месяцев, а то и лет, работы, чтобы «получить более выгодные условия» или «посвятить больше времени семье».

Жизнь текла естественным образом, а Макс Талли по-прежнему обитал в «Третьем желании» – абсолютно счастливый и самодостаточный. Во всяком случае, так казалось со стороны. А в пятьдесят пять лет тихо, без объявления и суеты женился на молодой художнице Бервин Кайт, которая за три месяца до этого написала его портрет, удостоенный престижного приза Арчибальда.

Бервин Кайт не была высокой, не обладала великолепными формами. Локоны не спадали на плечи пышной золотистой гривой. Миниатюрная, с мальчишеской фигурой, с короткими жесткими черными волосами и живым лицом, она мгновенно замыкалась, если кто-нибудь проявлял излишнюю фамильярность. Уэнди Талли, в свои тридцать лет по-прежнему жившая с отцом, при первом взгляде на новую мачеху поняла, что настала пора проститься с затянувшимся девичеством, и через полгода после свадьбы Макса отправилась к алтарю, чтобы соединиться с солидным добрым инженером Роджером Лейдлоу. Жених был на двадцать лет старше невесты, два года назад овдовел и с благодарностью принял сочувствие и внимание милой мисс Талли. Супруги поселились в семейном доме семейства Лейдлоу, и Уэнди вступила во взрослую жизнь, посвятив себя исполнению двойной миссии: уничтожению всех следов первой жены Роджера и скорейшему превращению в собственную мать.

Макс не собирался снова жениться. После двух неудачных браков, каждый из которых начался с надежд на счастье, а завершился скукой и разочарованием, он пришел к выводу, что роль любовницы удастся женщинам значительно лучше, чем роль жены. Во всяком случае, его женщинам. Макс не избегал непредвзятой оценки собственной персоны, а потому полагал, что в силу происхождения и отличий от большинства знакомых мужчин стать достойным мужем и отцом не способен.

Однако Бервин Кайт тоже оказалась иной – совершенно не похожей ни на одну из женщин, каких ему доводилось близко знать прежде. За несколько недель, проведенных в качестве модели в залитой солнцем неряшливой квартирке-студии, где на окне смиренно засыхала герань, а на захламленном столе в открытом пакете терпеливо кисло молоко, он прошел все стадии влечения – от удивления, интереса и любопытства к восхищению, восторгу и страстной влюбленности.

Постоянно хотелось видеть Бервин. Макс с нетерпением ждал следующего сеанса, в назначенное время взлетал по узкой лестнице, садился в кресло и внезапно цепенел от смущения. Естественная осторожность мгновенно пасовала перед своеобразной темной красотой, энергией, концентрацией на работе, независимостью, сосредоточенной страстью. Он отчаянно желал Бервин, но впервые в своей взрослой жизни робел. Что найдет в нем неистовая, талантливая художница? Легкость в общении, покорявшая женщин, которых он менял часто и небрежно, не подготовила Макса к новым, глубоким отношениям. Как семейная жизнь с Соней, элегантное существование в холодильнике рядом с Ингрид и даже роман с Изой Траби – испытанной, надежной боевой подругой, которую он считал почти идеальной любовницей.

Максу казалось, будто прежде он жил во сне и вдруг проснулся. Выходя на улицу после очередного сеанса, растерянно шурился и подолгу неподвижно сидел в машине, не заводя мотора.

Когда работа над портретом завершилась, повода для новых встреч не нашлось, и Макс пришлось смириться с разлукой. Альтернативы не предвиделось. И все же лицо Бервин в те минуты, когда она стояла перед мольбертом или, скрестив ноги, сидела в плетеном кресле и лист за листом покрывала карандашными набросками – лицо сосредоточенное, замкнутое, отрешенное, – возникало перед глазами, заслоняя действительность.

Макс попытался вернуться к прежнему разгульному существованию, но не получил ничего, кроме скуки и пустоты. Впервые в жизни, а в этот период многое случалось впервые, будущее предстало в виде плоской унылой равнины, без целей, задач и интересов. Прежде обожаемый дом перестал казаться желанным убежищем. Макс бродил из комнаты в комнату, переходил из кабинета в гостиную, подолгу стоял возле окна, засунув руки в карманы и глядя на океан. Когда дочь задавала вопросы относительно жалования экономке или мелкого ремонта, отвечал невпопад. Поступившие за время его отсутствия телефонные сообщения не слушал, трубку не снимал. Ни Ангусу Бердвуду, ни Изе Траби никак не удавалось связаться с ним.

На работе редакторы удивлялись нехарактерной рассеянности и уступчивости, пытаясь понять, что случилось с несгибаемым Максом: заболел или все-таки устал и перегорел. Однако в эфире ничего не изменилось. Включенный микрофон по-прежнему служил сигналом к вдохновению, а милая сердцу радиослушателей вступительная мелодия программы словно распахивала ворота, сквозь которые он изо дня в день с облегчением попадал в собственное, до предела насыщенное пространство, куда не проникали мысли о суетном внешнем мире.

Неожиданно позвонила Бервин и спросила, не хочет ли Макс прийти и посмотреть законченный портрет. Он подъехал к ее дому, когда день уже клонился к вечеру, в спешке и нервозности запер ключи в автомобиле, выругался и тут же забыл о неприятности.

Бервин встретила гостя возле распахнутой двери студии – с бледным лицом и сжатыми по-монашески, непривычно чистыми руками. Обменялись любезностями. Более озабоченно, чем хотелось бы, Макс осведомился о здоровье: уж очень слабой она выглядела. Бервин засмеялась и ответила, что скорее всего просто нервничает. Вероятно, работа ему не понравится. Он не придавал значения обстоятельству, что его мнение вообще имело какое-то значение. Бервин показала на мольберт в дальнем конце комнаты. Макс пробормотал что-то невнятное и стал смотреть.

Он ничего не понимал в живописи, а позировать для портрета согласился лишь потому, что попросила сама Бервин Кайт, которую представили как подающую большие надежды художницу, а несколько человек даже назвали гением. Внимание польстило и заинтересовало. Несколько недель Макс наблюдал за девушкой, поначалу исполняя просьбу не смотреть на незаконченный портрет, а затем сосредоточившись на ее собственном образе и почти забыв о конечном результате. В итоге он понятия не имел, какого результата следует ожидать.

Первой реакцией стал шок от встречи с самим собой в новом, трансформированном облике. Разумеется, Макс часто фотографировался и давно привык к собственному образу, представленному миру в двух измерениях, – но сейчас перед ним оказалось произведение иного порядка, обладавшее недоступной фотокамере мощностью воздействия. Он смотрел не отрываясь, не находя сил хотя бы на мгновение отвести взгляд. На портрете Макс Талли сидел на стуле, наклонившись и положив руки на колени. Брюки задрались, обнажив сползшие носки, а цветастая рубашка неаккуратно сбилась. Бервин изобразила его с устремленным вдаль взглядом, с губами, искривленными ироничной усмешкой, вместо обычной широкой улыбки. Она безошибочно уловила характер: это лицо Макс миллион раз встречал в зеркале. Портрет получился очень похожим и убедительным: сомневаться не приходилось, – но что же в нем так... тревожило?

Вглядываясь в растянутый на подрамнике холст, Макс постепенно начал понимать, что дело не только в абсолютном внешнем сходстве. В работе присутствовало глубокое знание. Художница уловила нечто такое, в чем он не признался бы даже самому себе, а тем более другим людям, и показала миру истинного Макса Талли. Истинный Макс Талли сидел в центре большого полотна, заполненного приглушенным светом. Нетерпеливо подавшись вперед на краешке неустойчивого стула, в кричаще яркой рубашке, с блестящими за стеклами очков глазами, он готовился дерзко встретить любой вызов судьбы. Фигуру переполняла энергия. Герой портрета выглядел эксцентричным. Комичным. Независимым. Мужественным. Безжалостным. Необычайно замкнутым. Бесконечно одиноким.

Горло и грудь сжались от невыносимо острой, парализующей боли. К глазам подступили горячие слезы. Макс стоял, моргая, почти не дыша, пораженный увиденным. Попытался обуздать чувства, но не смог и отвернулся, чтобы скрыть слабость. Волнами накатывала жалость к человеку на портрете, а особенно к мальчику, которым этот человек когда-то был и остался в душе. Внезапно на руку легла теплая ладонь, раздался взволнованный, участливый голос:

– Макс, Макс, не надо! Все в порядке, все хорошо.

Он замер, стора от унижения.

– Все в порядке, – повторила Бервин и замолчала, словно задохнувшись. – Пожалуйста, Макс...

Наконец он повернулся и увидел, что она тоже плачет и по-детски вытирает слезы рукой. Бервин не смутилась, не пришла в ужас, не осудила холодно и строго, как Макс предполагал. Нет, девочка заплакала: нос распух и покраснел, губы задрожали в попытке улыбнуться, одна рука сжала его руку, а другая поднялась к залитому слезами лицу.

– Не плачьте, – беспомощно промолвил Макс, хотя сам продолжал постыдно всхлипывать. Он провел пальцами по ее щеке и ощутил теплую живую влагу. – Господи, Бервин! Неужели один из нас настолько плох? Что вы со мной делаете?

Она рассмеялась, отошла и вернулась с пачкой салфеток. Оба вытерли глаза. Выпили по чашке чая с бренди. Легли в постель.

Макс проснулся среди ночи, полный дурных предчувствий. Он повел себя по-идиотски. В полутьме рядом лежала Бервин. На белой подушке чернели короткие волосы, лицо оставалось в тени. Она казалась очень красивой и невероятно молодой. Макс ощутил во рту горечь. Он отчаянно желал Бервин и в то же время боялся. Она пожалела его. Почувствовала себя виноватой. И, чтобы успокоить, отдала собственное тело. Макс начал осторожно передвигаться к краю постели, намереваясь встать и уйти, пока Бервин не проснулась, чтобы не встретиться с ней взглядом и не увидеть неловкости, подтверждающей худшие опасения.

Бервин шевельнулась, открыла глаза и сонно заморгала. Положила ему ладонь на грудь, прижалась к нему всем телом.

– Макс, не уходи, – пробормотала она, снова закрывая глаза. – Еще рано, спешить некуда. Останься со мной.

Ощувив, что он успокоился и расслабился, Бервин удовлетворенно вздохнула, уткнулась лбом ему в плечо и уснула. И Макс остался. На рассвете Бервин снова проснулась и, ничуть не смущаясь, попросила его еще раз подарить ей то, что он дарил днем и вечером. Потом Макс принял душ в крошечной ванной, позавтракал. Оставался до тех пор, пока не сообразил, что если немедленно не покинет студию, то «Утро Макса Талли» впервые за двадцать лет выйдет в эфир без Макса Талли. Вспомнил, что запер ключи в машине. Рассмеялся, попросил проводочную вешалку-плечики и с ее помощью открыл замок. Наконец-то поехал на работу. Завернув за угол, начал скучать, а в здание радиокompании ворвался за три минуты до начала программы, насвистывая и думая не о том, что будет говорить в прямом эфире, а представляя, какую роскошную студию создаст для Бервин, объединив вторую и третью спальни в «Третьем желании».

Уговаривать возлюбленную пришлось долго. Необузданная и на все готовая в постели, Бервин становилась упрямой и колючей, стоило ему заговорить о совместной жизни и браке. Зачем что-либо менять? Она не создана для семьи и скорее всего сделает его несчастным. Возможно, и он сделает ее несчастной. В любом случае ничего хорошего не получится.

Но Макса не устраивали встречи в маленькой захлавленной квартирке и безудержные уикенды в «Третьем желании». Он хотел постоянно видеть любимую рядом, в своем доме. Мечтал, чтобы мощная творческая энергия, сразившая его, продолжалась и развивалась в том прекрасном мирном пространстве, которое он специально обустроил. Мечтал о женитьбе, о том, чтобы Бервин принадлежала только ему. Хотел оставаться рядом в любое время дня и ночи и думать с восторгом: «Это моя жена».

Бервин сдалась внезапно – в тот вечер, когда узнала, что портрет удостоен приза Арчибалда. Вероятно, подумала, что нахлынувшая в минуту успеха уверенность в себе закалит, придаст силы и защитит от того посягательства на независимость, которое она ощущала в любимом мужчине. Или вспомнила первый день в студии, решив, что одинокий, отчаявшийся, беспомощный мальчик, спрятанный под панцирем сильного, блестящего, ироничного, мужественного человека, сможет выбраться на свободу и обрести счастье рядом с чуткой, понимающей подругой.

Разумеется, Бервин ошиблась. Довольно скоро, по мере того как стены залитых светом комнат «Третьего желания» заполнялись ее картинами, тайком купленными Максом в галереях и на выставках и с триумфом привезенными домой, она поняла, что перестала быть художником. Растворилась в жизни Макса, утонув в его внимании. Личность любимого мужчины оказалась слишком властной. Панцирь больше никогда не раскалывался. А вот ее защитные силы слабели и таяли с каждым днем, оставляя безоружной перед любой болью или обидой, которую мог причинить господин. Нет, Макс не давал повода для опасений, во всяком случае сознательно. Бервин не сомневалась в его любви, граничившей с обожанием и преклонением. Он осыпал ее подарками, ограждал от всех тревог, опасностей и даже раздражения. Отдавал все, кроме того, в чем она особенно нуждалась – самого себя, – одновременно вытягивая из нее творческую сущность. Великолепная студия на втором этаже с кондиционером и роскошью, о которой художники лишь мечтают, начала угнетать. Клиенты, чьи портреты писала Бервин – а после престижного приза заказы текли рекой, – впадали в транс от окружающего богатства, а когда приходили в себя, то говорили только о Максе. Бервин понимала почему. Дом был наполнен яркой личностью хозяина.

Однажды днем, года через два после свадьбы, она сидела в гостиной «Третьего желания» и ждала, когда Макс вернется с работы. Написанный ею портрет висел над камином. За окном млеет очередной жаркий день. Внизу, у подножия скалы, плескались волны. В саду шелестели пальмы. Бервин прислушивалась в ожидании шуршания шин, чтобы снова стать настоящей. Вместе с этой мыслью в воображении возник яркий образ: вот она сидит, утонув в огромном кожаном диване, – маленькая, в клетчатой рубашке, с коротко остриженными черными волосами – и смотрит на портрет. Застывшая неподвижно, отрешенная и безвольная. Ничего не делает, лишь прислушивается и ждет.

Бервин встала, поднялась в свою комнату, собрала кое-какую одежду, положила в сумку альбом для набросков, нацарапала записку и сбежала. Села в машину и уехала, хотя в дороге плакала так отчаянно, что почти ничего не видела. Возвращаясь домой, Макс встретил ее на узкой улице и едва не зацепил; хорошо, что успел резко вывернуть руль «мерседеса».

– Кажется, женушка сошла с ума, – с нежной укоризной произнес он вслух, останавливаясь возле своего дворца. – Ничего, как только вернется, объясню, что к чему.

Однако Бервин больше не вернулась. Купила в Голубых горах маленький домик, чтобы приезжать в Сидней лишь раз или два в месяц. Помимо портретов занялась пейзажами. Картины хорошо продавались. Примерно через полгода, появляясь в городе, начала встречаться

с Максом за ленчем или обедом, но не вернулась ни в «Третье желание», ни к нему. Через пять лет получила второй приз Арчибальда за поразительный портрет загадочного Гарриета Дила – слепоглухого поэта. Картину приобрела Национальная галерея, положив начало коллекции произведений Бервин Кайт.

Художница пользовалась успехом в свете, однако вернисажам и премьерам предпочитала тихий дом, уединение и творчество. Текущие потоком деньги не означали для нее ничего, кроме возможности писать только то, что хочется. И вот наконец настало время, когда Макс Талли научился спокойно смотреть на собственный портрет. Вечером, после того как гости расходились, экономка удалялась к себе, а очередная пассия готовилась провести ночь в роскошной спальне, он бросал на картину быстрый взгляд, криво усмехался, пожимал плечами и думал, что, как всегда, оказался прав. Он особенный. И Бервин особенная. Ни один из них не создан для брака, так что лучше жить врозь.

Макс становился старше, однако возраста не замечал. Миновал шестидесятый день рождения, а потом и шестьдесят пятый. В «Третьем желании» часто собирались гости. Утром в воскресенье он пек печенье и бриоши. Регулярно плавал. Позволил саду расти свободно. Приветливо встречал каждую новую экономку, найденную овдовевшей и встревоженной дочерью, а вскоре грубо увольнял ее или доводил до безумия и выгонял. Шутил и пикировался с Изой Траби, разбогатевшей благодаря роли тетушки Доры в рекламе маргарина «Спрингдейл» и обосновавшейся по соседству. Обедал с Бервин, мягко отбивался от навязчивых забот Уэнди, изредка вел натянутые, пустые телефонные разговоры с сыном Дугласом, с которым не имел ничего общего, и продолжал нескончаемый роман с микрофоном. Рейтинги его утренней программы по-прежнему оставались недостижимо высокими. О пенсии речь не заводил никто, кроме самого Макса, когда приходило время обновлять контракт.

Это была хорошая жизнь: яркая, полная озарений и в то же время устойчивая. По общему мнению, мятущийся корабль достиг спокойной гавани. На пороге семидесятилетия Макс Талли наконец-то стал предсказуемым.

Так думали те, кто его знал, но... ошибались.

Глава 1

Сад превратился в джунгли. Из окон розового дома лился яркий свет, однако сад тонул в темноте. Густой, черный, таинственный, он возвышался по обе стороны крутой каменной лестницы, по которой они медленно взбирались, наступая на улиток и побеги, раздвигая руками мясистые листья и гибкие плети лиан. Вокруг шуршали, шмыгали, вскрикивали невидимые существа. Верити Бердвуд остановилась и устало ссутулилась.

– Кошки, – произнес спутник.

– Похоже, их здесь сотни, – пробормотала Верити. – Хочешь сказать, что на старости лет Макс пристрастился к кошкам? Совсем на него не похоже.

– Пристрастился? Да он их ненавидит. Являются с соседнего участка, от Изы Траби. У нее двадцать пять или тридцать кошек, если не больше. Макс их отстреливает.

– Что? – Берди рассмеялась. – Отстреливает кошек? Пап, ты серьезно?

– Тише, не кричи. Конечно, серьезно. Во всяком случае, регулярно стреляет по ним. Иди, детка. Если я остановлюсь, то упаду. Эта лестница когда-нибудь меня прикончит. Да, так вот. Недавно слышал, что его любимое развлечение – палить из пневматического ружья. Макс говорит, что половина этих существ дикие: ловят птиц, дерутся, орут и гадят. Разумеется, Иза очень недовольна.

– Еще бы. – Берди улыбнулась и обернулась: низенький полный отец тяжело переступал со ступеньки на ступеньку, сжимая в руке подарок Максу – бутылку бренди семидесятилетней выдержки. Сверху было видно, как поредели на макушке седые волосы. Дышал он тяжело, и Берди вдруг с болью осознала, что восхождение дается отцу с огромным трудом.

Она вздохнула и прищепнула зудевшего возле уха комара. Идти на вечеринку не хотелось.

Во-первых, предстояло впервые за много лет встретиться с дочерью и сыном Макса – Уэнди и Дугласом. В детстве Берди проводила вместе с ними много времени, поскольку родители тесно общались, однако подружиться так и не сумела. Тогда она об этом не задумывалась: просто жила как жилось, – однако стоило повзрослеть до такой степени, чтобы в гостях у Макса нашлись другие занятия, как отношения расстроились сами собой. В пять лет Берди не очень любила встречаться с Уэнди и Дугласом, в десять очень не любила, а в пятнадцать не постеснялась посмотреть правде в глаза и принять необходимые меры, чтобы избежать общения.

Берди поморщилась в темноте. С какой стати сейчас вдруг потребовалось изменить отношение к потомкам мистера Талли? И все же Уэнди и Дуглас составляли часть ее детства, как сам Макс и этот дом, а потому имели право претендовать на внимание. Право, которое Уэнди с готовностью реализует при первой же возможности.

Во-вторых, сегодня непременно соберутся старые приятели Макса Талли. Многие из них в разные годы работали с отцом сначала на радио, а потом и на телевидении. Кое-кто и по сей день продолжал сотрудничество. Некоторые знали Верити с рождения: для них она не была загадочной, надменной, а потому несколько пугающей взрослой особой, а по-прежнему оставалась щуплой вертлявой дочерью отличного парня Ангуса Бердвуда. Эти люди знали о ней все. В памяти и теперь звучали голоса. Добрые, заинтересованные, озлобленные, любопытные... Забавная девочка. Всегда была необычной. Говорила очень странные вещи. Однажды в шесть лет... совсем не похожа на мать, правда? Вылитый Ангус. Что ж, по крайней мере, он может не сомневаться... А какой красавицей была Джейн Бердвуд! Трагично, что так рано погибла... автомобильная авария... Верити была подростком... и с тех пор Ангус один... Бедняга. Возможно, то, что случилось, к лучшему... Блестящий человек, он был настолько влюблен, что ничего не замечал и не хотел слышать. А все вокруг знали... мужчины, дорогая! Не пропускала ни одного! Да... я слышала, что даже...

Берди тяжело вздохнула и двинулась дальше. В том мире, где она существовала обычно, мало кто подозревал о родстве с легендарным Ангусом, а о матери не знал никто, как и о жизни самой мисс Бердвуд – прошлой или настоящей. Незнание вполне устраивало Верити.

– В последний раз я была здесь пятнадцать лет назад, – произнесла она, глядя на возвышавшуюся впереди громаду дома. – Сегодня ровно пятнадцать лет со дня свадьбы.

– Ах да. Наверное, Бервин тоже придет. – Отец не поднял головы.

– Свадьба в день пятидесятилетия, – уточнила Берди. – Совсем в духе Макса: подарил себе Бервин на день рождения.

– Вот только удержать сокровище не сумел, так ведь? – улыбнулся Ангус.

Они добрались до последнего пролета и остановились на площадке. Внизу снова душе-раздирающе заорала кошка. Из сияющих окон розового дома доносились звуки музыки, гул голосов, высокий смех. А дальше, внизу, угрюмо бились о камни невидимые черные волны.

– Пятнадцать лет. – Ангус поморщился. – А ведь кажется, будто это случилось вчера. Да и дом Макс построил вроде недавно, однако с тех пор прошло целых тридцать лет. – Он рассеянно посмотрел на особняк. – Тогда ему исполнилось сорок. А мне... Сколько? Сорок два? С той поры много воды утекло, детка. Все мы стареем.

– Папа, перестань! – Берди поежилась.

– Ангус, это ты? – раздался снизу глубокий женский голос. По ступенькам застучали быстрые шаги. – Подожди меня!

Отец обернулся, прикрыл глаза ладонью и всмотрелся в темноту.

– Бервин?

– Да. – Тяжело дыша и подняв к свету взволнованное лицо, она спешила их догнать. – Как хорошо, что я тебя встретила, Ангус! Ненавижу появляться на этих сборищах в одиночестве.

– Всегда рад служить, мадам. – Бердвуд галантно поклонился.

Бервин преодолела две последние ступеньки, обняла Ангуса и горячо расцеловала в обе щеки. Берди с интересом наблюдала за дружеской встречей. Все эти пятнадцать лет она часто рассматривала в газетах фотографии Бервин Кайт, а отец рассказывал, что встретил ее в ресторане в обществе Макса или на открытии выставки. Однако после свадьбы столкнуться с художницей лицом к лицу довелось впервые. Удивительно, как мало она изменилась за долгое время. В коротких черных волосах появилась заметная проседь, бледное лицо казалось усталым, словно от бессонницы, однако фигура по-прежнему удивляла и привлекала живой мальчишеской энергией.

– Помнишь малышку Верити, мою дочь? – безмятежно осведомился Ангус. – Она только что сказала, что в последний раз была в «Третьем желании» на вашей с Максом свадьбе.

Бервин пристально посмотрела на Берди:

– Конечно, помню. Рада новой встрече, Верити. – Губы растянулись в вежливой улыбке, но внимательные глаза художницы профессионально оценивали, запоминали, впитывали. Ощущение оказалось интересным, хотя и не совсем приятным. Затем взгляд скользнул к дому. – Вы же работаете в корпорации Эй-би-си, не так ли? – спросила Бервин, старательно поддерживая беседу. – Аналитиком на телевидении?

– Уже нет, – ответила Берди. – По-прежнему занимаюсь расследованиями, но в штате не состою несколько лет. – Она плотно сжала губы, намекая отцу, что не следует пояснять, что теперь расследования касаются не столько телевидения, сколько преступлений.

Частным детективом Берди никогда себя не называла – определение ей казалось нелепым. Маленькая, худенькая, не очень тщательно за собой следившая, да еще и в очках, Верити Бердвуд мало соответствовала распространенному представлению о детективе. В любом случае Бервин наверняка думала о чем-то своем и не интересовалась подробностями ее работы.

В доме зазвучал рояль.

– Кажется, все уже в сборе, – проворчал Ангус. – Пора и нам сделать последний рывок. Готова к испытанию, Бервин? Не забыла затычки для ушей, кислородную маску, лопату, чтобы разгрести дерьмо?

Художница взглянула на него с недоумением:

– Судя по всему, ты единственный на свете человек, кто ненавидит подобные сборища так же, как я.

– Полагаю, не будет преувеличением сказать, что Берди ненавидит их еще больше. – Ангус слегка дернул дочь за рукав. – Пошла со мной, подчиняясь святому чувству долга, благослови Господь ее носочки. Макс очень просил, чтобы девочка явилась. Сказал, что на старости лет стал сентиментальным.

Берди смущенно пожала плечами.

– Макс получает все, что пожелает, не так ли? – сухо заметила Бервин. – И сегодняшний вечер окажется убедительным тому подтверждением.

– Да, – кивнул Ангус. – Предстоит сенсация.

– Ты в курсе событий? – осведомилась Бервин.

– Разумеется.

– Эй, что происходит? – воскликнула Берди. – Что ты от меня скрыл, папа? Какие-то неприятности? Макс в очередной раз поссорился с Дугласом?

Бервин прикусила губу.

– Ничего нового, все как обычно. Подавленное взаимное недовольство. Им следует держаться подальше друг от друга. Но Дуглас все-таки приехал на вечеринку. Должна признаться, что не ожидала его появления, однако он здесь. Нет, никаких особых неприятностей не предвидится. Скорее неожиданность. Один из маленьких сюрпризов Макса. Честно говоря, думала, что, кроме меня, о нем никто не знает. – На лице художницы застыло напряжение, взгляд стал непроницаемым. – Пойдемте, а то он начнет беспокоиться. Не захочет огласить новость без нас.

Бервин Кайт повернулась и как могла быстро зашагала вверх по лестнице, Берди и отец поспешили за ней.

– Понятия не имею, с какой стати она вдруг рассердилась. Был уверен, что о намерении Макса известно только мне и больше никому, – раздраженно заметил Ангус.

– О чем ты? Объясни, ради бога! – попросила Верити, хотя по выражению лица поняла, что больше не услышит ни слова.

Любезное, пусть и запоздалое, предупреждение Бервин не прошло даром. Мучило любопытство: а вдруг вечер окажется не таким уж скучным? В конце концов, Макс наделен ярким артистическим талантом. Если он всерьез решил отметить собственное семидесятилетие неким неожиданным объявлением, то можно не сомневаться, что оно действительно будет сенсационным и важным для большинства гостей. А если судить по реакции Бервин, то далеко не все присутствующие обрадуются.

Чем ближе к дому они подходили, тем отчетливее ощущался аромат гардений, смешанный с запахом терпкого морского бриза. Розовые стены дворца мягко светились в темноте. Бервин нажала кнопку звонка. Все по-прежнему, подумала Верити, глядя, как сквозь стеклянную панель двери на крыльцо льется яркий свет. Миновало много времени, а ничего не изменилось. Тот же порядок, та же безупречность. Она вспомнила о наполненной таинственной жизнью саде и повернулась, чтобы посмотреть вниз. Да, отсюда, сверху, было особенно заметно, как выросли деревья. Улица полностью скрылась из виду. Причудливые черные силуэты устремились в ночное небо, жадно впитывая влажный воздух, соперничая за пространство и пищу, разрастаясь едва ли не на глазах. Около деревьев расположились массивные кустарники – жуткие в своей стихийной бесформенности, окончательно скрывшие землю и превратившие дом в остров. Сад не остался прежним, он изменился до неузнаваемости. В нем не сохранилось ни порядка, ни безупречности, ни знакомых черт.

Дверь распахнулась, выплеснув волну света и шума, мгновенно вырвав всех троих из ставшей привычной темноты. Они оказались на пороге огромной, разделенной на два уровня комнаты, заполненной движущейся, смеющейся толпой, насыщенной яркими красками и громкой музыкой.

– Ангус! Бервин! Наконец-то, черт возьми! – Широко улыбаясь, Макс пробирався навстречу в ослепительно-яркой рубашке с красными и желтыми цветами на зеленом фоне. Подошел, обнял каждого и крепко расцеловал. – Чем вы занимались? Знаю, знаю. Стыдитесь. Да еще и в присутствии ребенка. – Он подмигнул Верити. – Ты, Ангус, уже не мальчик. Пора бы отдохнуть.

– Сам отдыхай, – с улыбкой произнес Бердвуд. – Возьми длительный отпуск. – Он протянул бутылку. – С днем рождения, приятель!

– Что это? – Макс посмотрел на этикетку, заморгал и хлопнул друга по плечу. – Пытаешься всучить новодел? Эй, Бервин, этой бутылке столько же лет, сколько мне! Придется долго хранить ее, чтобы созрела.

Бервин пожала плечами и слабо улыбнулась. Веселиться ей явно не хотелось.

– Спасибо, дружище, – промолвил Макс, понизив голос. – Чудесный подарок. Получу истинное удовольствие. С наслаждением вылижу все до последней капли. – Глаза за стеклами очков внезапно повлажнели от хорошо знакомого Верити наплыва чувств.

Растроганный до глубины души, Ангус кивнул.

– Честное слово! – Макс без стеснения засунул пальцы под очки и вытер слезы. – Пожалуй, лучше сразу припрятать. Если оставить на виду, то какой-нибудь умник непременно встряхнет, чтобы проверить, выстрелит или нет. Выпейте что-нибудь. Иза где-то здесь – бешеная, как змея.

– Бешеная, как лиса, – поправил Ангус.

– Возможно. – Макс расплылся в улыбке, прижал бутылку к груди и исчез в толпе.

– Так и будет, – тихо произнесла Бервин, глядя ему вслед.

– Что?

– Получит истинное удовольствие. С наслаждением вылизет все до последней капли. Он такой. С вещами. С людьми. С жизнью. Со всем вокруг. – Она повернулась, заметила на лицах спутников недоумение и рассмеялась. – Собственно, какое это имеет значение? Все хорошо. – Бервин взяла с подноса бокал шампанского и жестом пригласила Ангуса и Верити сделать то же самое. – За Макса!

Ангус углубился в толпу, приветствуя всех направо и налево. Берди двинулась следом, страдая от дурных предчувствий: неподалеку, активно жестикулируя, стояла изящная Клаудия Бадд – редактор известного, влиятельного глянцевого журнала и давняя знакомая Берди. Интересно, она явилась в качестве приятельницы Макса или с профессиональными целями? Скорее всего и то, и другое. Этот ответ казался самым точным: Клаудия никогда не переставала работать и слишком любила скандалы, чтобы разумный человек отважился назвать ее своей подругой. Удастся ли сегодня с ней поболтать? Не исключено, но только в том случае, если Клаудия не поставила себе определенной задачи. Тогда к ней не подойдешь.

Комнату наполняли разнообразные звуки. Голоса, смех, музыка...

– Помнишь, когда... и вот она говорит, что я уже стала историей. А я ей отвечаю... однажды Макс, пьяный в стельку... честное слово... и «Я пройду тысячу миль»... оставил пластинку крутиться до рассвета, а сам направился в бар, и она поцарапалась, и... как обезьяна, честное слово... помнишь?.. А она сказала... «На цыпочках, по тюльпанам»... потом. Чистая правда. Тсс... это продолжалось целых десять минут... коммутатор завис от перегрузки, причем ночью!.. Боже, Иза Траби выглядит лет на сто. А ведь она моложе Макса. Трудно поверить. Да-да, долгие годы... знаю, знаю... помнишь... помнишь, когда...

Отец подтолкнул Верити локтем.

– Нами интересуются, – пробормотал он.

– О, Верити! Верити Джейн, привет! Как чудесно, что ты смогла прийти! Добрый вечер, мистер Бердвуд! – Сияя улыбкой, на них надвигалась грузная особа средних лет.

Господи, это же Уэнди! Выглядит старше Макса, подумала Берди и опустила нос в бокал, чтобы привести в порядок выражение лица. Все мы стареем, прозвучал в сознании печальный голос. Проклятие!

Пухлые руки обняли ее и прижали к пышной, обтянутой ярким платьем груди. Берди приказала себе не сопротивляться и постаралась не расплескать шампанское.

– ...так давно, – лопотала Уэнди. – А ты ничуть не изменилась, Верити Джейн!

Чувствуя на себе взгляд отца, Берди слабо улыбнулась. В детстве, когда доводилось вместе с родителями приезжать в «Третье желание» на дневные праздники, играть в безупречно ухоженном саду и купаться в бассейне вместе с другими детьми, пока взрослые развлекались по-своему, Уэнди неизменно становилась душой компании. Затекала игры в прятки и в «ночное убийство», отвечала за угощение, объясняла, где расположен туалет, никогда не тонула и не падала с террасы. Не спуская с рук маленького Дугласа, уверенно командовала своими гостями, улаживала ссоры и разнимала драки, откровенно наслаждаясь собственным авторитетом и всевластием.

Долгое время Берди считала, что Ингрид – высокая надменная красавица, которую Макс постоянно обнимал – доводилась Уэнди матерью, однако удивляло то обстоятельство, что Уэнди никогда не упоминала о ней, хотя постоянно говорила об отце. И вот однажды, качаясь на старой шине, которую повесил в саду Макс, Берди прямо спросила:

– Ты не любишь свою маму?

Уэнди стояла перед ней с Дугласом на руках. Миловидное дружелюбное лицо внезапно застыло.

– Моя мама умерла, – произнесла она и отвернулась.

Восьмилетняя Берди смутилась и сообразила, что больше ничего говорить не надо.

Когда она приехала в гости в следующий раз, Ингрид исчезла, а вместе с ней и Дуглас. Макс обнимал другую высокую красивую леди в красно-белых полосатых брюках и красном топе. Звали ее Бонита. Она улыбалась гораздо чаще Ингрид и угощала детей шоколадными эклерами. Берди заметила, как Макс похлопал ее по попе и засмеялся вместе с другими взрослыми. Уэнди густо покраснела.

– Не смей сплетничать, Верити Бердвуд, – прошипела Уэнди, перехватив ее взгляд. – Не вздумай рассказывать о моем отце мерзкие истории, иначе никогда больше сюда не придешь.

По сей день Берди помнила лицо Уэнди в эту минуту – юное, полное, симпатичное; за маской справедливого возмущения скрывались тревога, неуверенность и одиночество. Потом Берди замечала это выражение еще много раз – по мере того как Уэнди медленно превращалась во все более полную и менее симпатичную женщину, приходивший в гости Дуглас взрослел, говорил хриплым голосом и держался самоуверенно, сама она мучительно переживала подростковый возраст, а Макс, подобно Питеру Пэну, оставался прежним.

– Дуглас где-то здесь, – продолжила Уэнди. Чтобы ее услышать, приходилось напрягаться. Низкий голос звучал почти без модуляций. Говорила Уэнди быстро, долго и ровно, без выраженных подъемов и спадов в интонации. Царивший вокруг гул поглощал едва ли не каждое второе слово. – Несколько дней назад специально приехал из Перта и остановился у меня, но до сих пор я его почти не видела. А тем более не успела обстоятельно поговорить с ним. Носится повсюду, общается с друзьями. Ты, конечно, понимаешь: от школьных товарищей не спрячешься. Приятно снова встретить тебя. И Дуглас обрадуется. Не виделись сто лет, правда? Помнишь, как все играли в саду в прятки, а вы вдвоем перелезли через камни на пляж и до смерти меня напугали? О, вы были невыносимы. Правда, они с Дугласом были невыносимы, мистер Бердвуд?

Верити слабо улыбнулась.

– Макс говорил, что ты надолго уезжала, – сменил тему Ангус. – Кажется, в Англию?

Уэнди закатила глаза:

– Восхитительно провела время. Папа сделал мне подарок на день рождения. Представляете, путешествовала целых два месяца, только вчера вернулась. – Она вздохнула. – Вот только очень волновалась за папу. В его возрасте оставаться одному тяжело. Конечно, спасает любимая работа, да и новая экономка оказалась настоящим сокровищем – прекрасно ведет хозяйство. Но все равно это не семья. Дуглас живет в Перте, Бервин предпочитает Голубые горы... Однако папа заверил, что все будет хорошо, и подарил билеты. Это моя первая поездка за границу, если не считать Фиджи во время медового месяца. Никогда прежде не приходилось так надолго оставлять дом без присмотра. К счастью, сосед согласился кормить кошку и поливать сад. Боялась, что залезут воры: сейчас это часто случается, – но ничего, обошлось. В Англии остановилась у школьной подруги, которая теперь живет в Лондоне. Это было чудесно. Мы побывали повсюду и все видели. К концу второго месяца ноги едва не отвалились. Ну и, разумеется, я почти не выходила из «Би энд Эй»... – Уэнди бросила на собеседников быстрый взгляд и снисходительно объяснила: – Так лондонцы называют Музей Виктории и Альберта. Он стал для меня настоящим домом! Там столько необыкновенного, что просто необходимо сохранить в памяти! Я накупила открыток и буклетов, но многие экспонаты на них не представлены, поэтому пришлось взять бумагу и карандаш и рисовать, рисовать...

– Зачем, Уэнди? – перебила Берди, чтобы как-то остановить поток восторгов и не потерять не только нить разговора, но и собственный разум.

Краем глаза она наблюдала, как отца атаковало визгливое существо с неестественно блестящими глазами, невозможно длинными фальшивыми ресницами, кричаще-яркими губами и копной кудрявых рыжих волос. На худых запястьях звенели браслеты, темные морщинистые руки с кроваво-красными когтями преувеличенно жестикулировали; экзотическое розовое одеяние с широкими рукавами и бахромой на подоле стекало на пол пышными шелковыми складками. Такой предстала Иза Траби в боевом облачении. Судя по всему, упорные попытки Макса сократить поголовье кошачьей стаи не испортили соседке настроения, во всяком случае сегодня. Она пребывала в прекрасном расположении духа, болтала и смеялась. Под театральным гримом, накладными ногтями и ресницами, под рыжим париком скрывалась милая, вполне разумная пожилая леди, известная всей Австралии как тетушка Дора – главная продавщица маргарина «Спрингдейл». Однако чтобы узнать ее сейчас, пришлось бы очень постараться. Морщины и седина принесли Изе Траби богатство, которого она так и не смогла добиться благодаря таланту, молодости, уму и красоте. И все же тетушка Дора оставалась лишь ролью и в свободное от работы время решительно отодвигалась в сторону. Настоящая Иза, с макияжем, ресницами, ногтями и прочим, присутствовала здесь и сейчас.

– Дорогой, не видела тебя целую вечность! Как, черт возьми, поживаешь? Представь, Максу семьдесят! Господи, да мне и самой в августе исполнится шестьдесят девять. Невыносимо! – Иза вопила прямо в ухо Ангусу Бердвуду, крепко обняв его, окутав невысокую коренастую фигуру бескрайним розовым хитомом и спутанными рыжими кудрями.

Берди смотрела, как отец невозмутимо высвободился из объятий, вытащил изо рта прядь волос и отступил на шаг.

– Шестьдесят девять – не так уж плохо, Иза. Думай по-французски: *soixante-neuf*. Тебе же всегда это нравилось.

Берди удивилась: не представляла, что отец способен хотя бы на легкую фривольность. Подобный тон вообще не был ему свойственен. Но здесь только так и следовало себя вести. Иза восторженно расхохоталась и снова залопотала. Со стороны беседа напоминала общение попугая с совой, однако сами участники не ощущали ничего странного. Они были знакомы сорок лет, а благодаря отношениям с Максом Талли считали себя друзьями.

Тем временем Уэнди отвечала на вопрос. Берди прищурилась и подалась вперед, чтобы услышать, что она говорит.

– Фасоны, – пробубнила Уэнди. – Для моих девочек.

– Для девочек? – повторила Берди, хоть и знала, что в этой жизни ничему нельзя удивляться. И все же...

Уэнди всплеснула руками и улыбнулась:

– Для кукол. – Она сложила руки так, как качают ребенка. – Фасоны для кукольных платьев. Конечно, тебе об этом ничего не известно. Папа о таких вещах не упоминает. Я делаю кукол, это моя страсть на протяжении многих лет. Но с тех пор как... как Роджера не стало... – Ее губы дрогнули, а на глаза навернулись слезы. – Извини! Так глупо, прошло уже столько времени, а я все еще... – Голос Уэнди снова утонул в общем гуле.

Берди крутила в пальцах бокал и смотрела, как Уэнди шевелит губами. За спиной заливалась визгливым смехом Иза. Может, если немного повернуться, удастся привлечь внимание отца? Она словно невзначай повела плечами.

– Вот он! Дуглас! Иди скорее сюда! – Уэнди повысила голос и схватила Берди за руку. – Смотри, кто здесь!

– Верити! – Дуглас Талли пробился сквозь толпу и приветливо улыбнулся.

Высокий, прекрасно сложенный, красивый, безупречно одетый мужчина в ослепительно-белой рубашке и желтом галстуке. Вот каким стал малыш Дуглас! Кажется, занимается торговлей. На Макса не похож ни капли: неудивительно, что отец с сыном не ладят. Наверное, сейчас ему около тридцати, а когда они с Берди виделись в последний раз, было лет двенадцать-тринадцать: отпустили из закрытой школы по случаю свадьбы отца. Тогда Берди не обратила на Дугласа внимания. Разве мальчишка способен что-то собой представлять? Да и он не интересовался ею. Казался существом иной породы. Молчаливый на людях, разговорчивый в тесной компании. Симпатичный, сознающий свою привлекательность подросток. Слегка полноватый, с немного размытыми чертами лица, покрытыми подростковым пухом щеками и вялым ртом, тогда он густо покраснел, стоило Изе Траби ущипнуть его за подбородок и сказать Макс, что со временем парень превратится в покорителя женских сердец.

Пророчество сбылось уже через год-другой после окончания школы. Макс, пришлось откупиться от девушки, но поползли разные слухи, и Дуглас уехал за границу от греха подальше. Берди помнила те разговоры и сплетни, помнила, насколько отвратительной показалась ей история. В юношеском запале она с равным презрением осудила и Дугласа, и глупую, неразборчивую, наивно-доверчивую девчонку, связавшуюся с таким ничтожеством.

Глава 2

Через пару секунд «ничтожество» уже целовало ее в щеку. Губы были теплыми, сладко повеяло мылом и лимонным одеколоном.

– Только представьте: мы снова собрались в «Третьем желании», через столько лет! – не унималась Уэнди, крепко держа брата и гостью за руки. – Дуглас, правда, Берди ничуть не изменилась? Мы с ней только что вспоминали доброе старое время – до того, как папа женился на Бервин.

– По-прежнему терпеть не можешь Бервин, сестричка? – ехидно улыбнулся Дуглас.

– Не говори таких ужасных слов! – возмутилась Уэнди. – Я никогда не относилась к Бервин плохо. Всегда ее любила и люблю. Считаю невероятно талантливой художницей. И Роджер тоже так думал. Просто у нас с ней мало общего, и все. По-моему, она немного странная. Да, странная. Как Бервин обошлась с папой? Бросила его тут одного, потому что захотела рисовать свои картины в горах. Несправедливо. Но, с другой стороны, отношения – личное дело. Если папа смирился с уходом Бервин, то и я не могу осуждать ее. Мы с Бервин всегда ладили. С какой стати ты решил, будто я к ней плохо отношусь? Ни разу не сказала дурного слова.

– Разумеется. – Дуглас залпом осушил бокал и оглянулся в поисках официанта.

– Так вот, я вспоминала, что в прежние времена мы прекрасно проводили время здесь, в «Третьем желании». Разве не так?

– Естественно. – Дуглас слегка дернул подбородком, будто хотел ослабить слишком жесткую хватку безупречного воротника. – Чудесно проводили время. – В его голосе прозвучало раздражение. – Отлично помню, как приезжал из концентрационного лагеря, который почему-то принято называть школой, и все лето наблюдал, как толпа разномастных идиотов напивается за счет отца – прости, Верити, твои родители составляли исключение, – в то время как сам папочка развлекается на террасе с дорогими шлюхами. А мамочка тем временем порхает по Европе вместе с отчимом, который меня ненавидит. Чудесно, просто восхитительно! Именно то, что нужно подростку. Не сомневаюсь, что Верити тоже безмерно наслаждалась изысканным обществом. О, слава богу! – Дуглас поставил пустой бокал на поднос проходившего мимо официанта и взял полный.

– Дуглас, не надо так говорить. – Уэнди помрачнела. – Можно подумать, что ты всегда был несчастен. Но ведь это неправда.

Он посмотрел на сестру, и горькая складка губ смягчилась.

– Конечно, я просто шучу. Ты права: мы прекрасно проводили время, благодаря тебе и тому обстоятельству, что наш дорогой папочка использовал тебя в качестве бесплатной няньки. В итоге всем было хорошо.

Уэнди неуверенно улыбнулась. Дуглас жадно осушил второй бокал и, сделав над собой заметное усилие, продолжил:

– Дом остался таким же, как прежде. А вот сад, как ты справедливо заметила, старик действительно запустил.

– Ужасно, правда? – с готовностью подхватила Уэнди. – Жду не дождусь, когда представится возможность самой взяться за дело. Нужно все подстричь, привести в порядок, вычистить. Тогда можно будет гулять. Сад страшно зарос, Верити Джейн. Везде пауки. Уверена, что и змеи тоже есть. Однако садовника папа даже близко не подпускает. Говорит, так лучше. Надеюсь, что после сегодняшнего вечера...

– Ах, тот самый знаменитый сюрприз! – воскликнул Дуглас. – А вдруг окажется, что он решил выйти на пенсию? Разве от этого что-нибудь изменится?

– Тише, Дуглас, – возмущенно прошипела Уэнди. – Иза услышит. Мы даже не знаем, что произойдет. Я лишь предположила... Верити Джейн, ты ведь никому ничего не скажешь, правда?

Берди пожала плечами и покачала головой.

– Почему она должна об этом заботиться, Уэнди? – Дуглас воинственно вздернул подбородок. – Ей нет дела ни до самого Макса, ни до его затей; вполне хватает собственного отца. В конце концов, радиоккомпания Ангуса теряет звезду. Но у него наверняка припасено немало других вариантов, тем более что отставку Макса вполне можно ожидать, в его-то возрасте.

– Полагаю, папа уже все знает от самого Макса, – сказала Берди.

Утомленная, скужающая официантка прошла мимо с подносом, полным разноцветных кусочков странной формы, которые преподаватели домоводства называют горячим угощением. Вслед за Уэнди Берди наугад взяла одно из причудливых кулинарных изделий и надкусила. Сандвич оказался мягким, теплым, вкусным, с начинкой из морепродуктов, неузнаваемых от обилия специй.

– Восхитительно, – улыбнулась Уэнди, аккуратно вытерла пальцы салфеткой и повернулась к официантке. Заметно просветлев лицом, та предлагала закуски Дугласу. – Дорогая, не могли бы вы передать поварам, чтобы быстрее подавали еду? Стоим здесь уже довольно долго, а явился лишь первый поднос.

Вспомнив о своем предназначении, официантка прервала зрительный контакт с красивым джентльменом, кивнула и удалилась. Дуглас проводил ее томным взглядом и отправил в рот мясной шарик.

– Симпатичная задница, – произнес он, не переставая жевать. – Ммм...

Берди внимательно посмотрела на Дугласа: что-то в нем вызывало недоверие. Но что именно?

– О, Дуглас! – Уэнди снисходительно засмеялась.

– И все же не идет ни в какое сравнение с маленькой китайской куколкой, Уэнди. Должен заметить, что твой вкус развивается. – Дуглас все еще смотрел в сторону кухни.

Берди проследила за его взглядом. Официантка, чью соблазнительную фигуру он столь откровенно одобрил, разговаривала с миниатюрной, изящной азиатской женщиной в простом белом платье. Наверное, это и есть маленькая китайская куколка Мэй – экономка. Она спокойно выслушала официантку и отправила ее в кухню.

– Прежняя экономка, кажется, миссис Капуфс, носила косы и такую физиономию, от которой молоко кисло, – усмехнулся Дуглас. – А малышка Мэй прелестна. Какое тело!

– Бедная миссис Карстерс! – возмущенно воскликнула сестра. – Дуглас, это было сто лет назад. С тех пор папа сменил несколько дюжин экономок. Я очень довольна Мэй. Сначала сомневалась. Ну, ты понимаешь: все-таки вьетнамка. Однако рекомендации превосходные, да и стоит не слишком дорого. Оказалась настоящим сокровищем. Очень тихая. Похоже, боится даже собственной тени. Подозреваю, что прячет разбитую посуду. Представляешь? Стесняется признаться. Но невероятно чистоплотна. Работает здесь уже шесть месяцев. Рекорд! Тебе хорошо жить в Перте, от греха подальше, а на мне лежит обязанность заботиться о папе. Должна признаться, он ужасен. – Журча подобно монотонному ручью, Уэнди повернулась к Берди: – Пока я жила тут, все было замечательно. Сама разбираюсь с экономкой и слугами, так что проблем не возникало. Люди работали в доме годами. А с тех пор, как папа взял управление на себя, все пошло кривь и вкось. Поручает мне нанимать этих бедных женщин, а потом так грубо с ними обращается, что они сразу убегают. Или говорит, что они сводят его с ума своей тупостью, и увольняет их. Одна продержалась всего пять часов!

Берди улыбнулась. Она не представляла, как можно работать на Макса даже пять минут.

– Что ж, будем надеяться, что Мэй продержится дольше – хотя бы до моего отъезда, – многозначительно произнес Дуглас.

– Шутки шутками, но не вздумай ее обидеть! – строго предупредила брата Уэнди. – Кажется, во время предыдущей встречи ты уже успел напугать ее.

– Все улажу, Уэнди.

– Не говори глупостей. Девушка стеснительная, да и по-английски говорит не лучшим образом. В общем, держись от нее подальше. Если она уволится сейчас, то я умру. Потом станет проще.

– Почему? – Дуглас не сводил с Мэй жадного взгляда.

– Ну... – Она слегка смутилась. – Думаю, папа уже составил план. Видишь ли... наверное, тебе можно сказать, правда? Полагаю, что теперь, собравшись на пенсию, он постарается уговорить меня вернуться и жить вместе с ним, вести все дела: заниматься канцелярией и домашним хозяйством. Тогда я снова смогу управляться с экономкой, уборщицами и прочим персоналом. Папа уже несколько раз намекал на грядущие перемены. – Уэнди вздохнула. – Жаль, конечно, бросать свой дом, но ничего не поделаешь. Тем более что без Роджера там стало невыносимо пусто и грустно. А папа так добр ко мне! Если я ему нужна, то сделаю все, что смогу.

Дуглас открыл рот, чтобы выразить собственное мнение, но не успел: раздался резкий свист. Мгновенно наступила тишина, сменившаяся глухим невнятным бормотанием. Все взгляды устремились на Макса Талли. Неотразимый в цветастой рубашке, хозяин дома остановился возле рояля. Добившись всеобщего внимания, он улыбнулся и вытащил пальцы из рта. Торжественно поднял бокал. Официанты начали разносить свежее шампанское.

– Вот, начинается, – не к месту прокомментировала Иза Траби. – Слабительное, пожалуйста!

Уэнди обернулась и взглянула с нескрываемым осуждением. Иза захихикала и, залпом осушив бокал, пробормотала:

– Прошу прощения.

– Друзья! – начал Макс. – Буду краток.

– Знаем, знаем! – насмешливо воскликнул кто-то из гостей.

– Оставляю реплику без внимания. Спасибо за то, что пришли, за добрые пожелания и за подарки. Особенно за подарки. Для тех, кто запомнил, напомню, что принимаю чеки, а также карты «Дайнерс клуб» и «Американ экспресс», так что на обратном пути не пройдите мимо Уэнди.

Раздался дружный смех.

– Сегодня мне исполнилось семьдесят лет. Число «круглое»: семь и ноль. К этому возрасту человек уже начинает понимать, кто его друзья. Во всяком случае, я прекрасно понимаю. – Маленькие черные глазки за стеклами очков увлажнились. – Мои друзья собрались здесь. Люблю вас всех. За долгие годы мы провели вместе вот в этой самой комнате немало счастливых часов. Мне повезло.

– Это нам повезло, Макс, – произнесла Иза.

– Спасибо, Иза, – улыбнулся Макс, немного помолчал, глядя в бокал, а потом продолжил: – Пожалуй, пора закончить прелюдию. Должен сделать заявление. Точнее, два заявления. Я наконец-то решил сделать мисс Клаудиу Бадд честной женщиной и исполнить то, что ее журнал обещает из года в год, насколько хватает памяти, а именно уйти на пенсию. В пятницу состоится последнее утреннее шоу Макса Талли.

Раздались удивленные возгласы и возражения. Берди ощутила судорожное рукопожатие: Уэнди заметно нервничала.

– Я же говорила, – прошептала она со слезами на глазах. – Знала, что это произойдет. Бедный старенький папа. Какой удар для него! Но это к лучшему, Верити Джейн, к лучшему. Он очень устал.

Берди обернулась и посмотрела на своего отца. Тот поморщился. «Ничего не поделаешь, подобное рано или поздно случается, – словно говорило его мгновенно погрузневшее лицо. – Все мы стареем». Потом он вскинул голову, и Берди отвернулась. Увидела, что Бервин стоит рядом с Максом и выглядит удивленной, будто не ожидала услышать его слова. Может, думала, что, несмотря на планы, Макс все же не решится сделать последний шаг?

Макс поднял руку, призывая к тишине:

– Честно говоря, страшно утомился от постоянного напряжения. Уже слишком стар для ежедневных прямых эфиров. Пора уступить дорогу молодым – тем, у кого язык подвешен лучше, лицо симпатичнее и плечи шире. Найти дюжину-другую таких молодцов не составит труда.

Снова раздался смех.

– А я тем временем посвящу остаток своих дней более приятным занятиям. Одним из них, благодаря моему старому другу Ангусу Бердвуду, который уже месяц как обо всем знает, станет десятиминутное обозрение по будням, перед шестичасовыми «Новостями». Радиоволны все-таки не окончательно очистятся от невежественного, фанатичного эгоизма Макса Талли, как выразился на прошлой неделе кто-то из недоброжелателей.

Последовали громкие сочувственные возгласы. Макс опять поднял руку.

– Ну а теперь главная и лучшая новость. – Глаза за стеклами очков заблестели. – Решил сообщить об этом именно сегодня, потому что все вы сейчас здесь и сможете разделить мое счастье.

– И что же? – нетерпеливо пробормотал Дуглас. – Собрался в политику? Снарядился в антарктическую экспедицию? Жертвует миллион долларов на борьбу с раком? Намерен участвовать в конкурсе «Мистер Вселенная»?

– Тише! – Уэнди нахмурилась и подалась вперед, чтобы не пропустить ни единого слова.

– Я собрался жениться, – произнес Макс Талли, широко улыбнулся и повысил голос, чтобы перекрыть гул: – Хочу представить молодую леди, которая согласилась стать моей женой. Знакомьтесь: мисс Мэй Тран. – Он вытянул руку, и «сокровище» Уэнди – очаровательное и очень юное, в простом белом платье – подошло и встало рядом с Максом.

Воцарилась мертвая тишина. Берди посмотрела по сторонам. На лицах присутствующих читалось изумление. Отец тихо выругался, и Иза ответила, словно эхо. Рука Уэнди разжалась и выпустила ее ладонь. Бервин, единственная из всех, для кого сообщение не стало новостью, опустила голову, сосредоточенно рассматривая что-то на полу. А в следующее мгновение разразился шторм: восклицания, громкие поздравления, бесконечные обсуждения последней сенсации от Макса Талли слились в единый бурный порыв. Гости обступили пару и заговорили наперебой. Сияющий Макс обнял невесту, а та застыла неподвижно и безучастно, словно фарфоровая статуэтка.

– Ничего не понимаю, – заикаясь, пролепетала Уэнди. – Что папа делает? Шутит?

– Не похоже, – усмехнулся Дуглас и показал в сторону отца: обняв Мэй, тот позировал фотографу, которого протолкнула в первый ряд изнемогавшая от наслаждения Клаудиа Бадд.

– Дуглас! – испуганно воскликнула Уэнди. – Они фотографируются! Пора прекратить это безобразие! Папа из ума выжил. Эта девушка – экономка! По возрасту годится ему во внуки! И к тому же... вьетнамка!

– На здоровье, – отозвался брат. – Может себе позволить на старости лет. Почему бы не развлечься на пенсии?

– Дуглас, что ты говоришь? Он ведь женат на Бервин! О чем только думает?

Уэнди вытянула шею, осматривая толпу, нашла того, кого искала, и настойчиво поманила рукой. Берди увидела, как Бервин Кайт слегка покачала головой, а потом пожала плечами и начала осторожно пробираться к ним, по-прежнему изучая пол, чтобы не наткнуться на сле-

дившие за каждым ее шагом любопытные взгляды. Как только она оказалась в зоне досягаемости, Уэнди схватила ее за руку и вовлекла в тесный кружок.

– У меня нет слов! Папа сошел с ума!

Бервин криво усмехнулась.

– Ничуть. Просто остается самим собой, – ответила она и посмотрела на Берди. – Я не знала о пенсии, и Ангус определенно не знал. Вот и он! – Она призывно помахала рукой. – В общем, Макс обвел вокруг пальца нас обоих. На пенсию! Мне даже не намекнул!

Ангус подошел и, покачав головой, растерянно пробормотал:

– Не знаю, что и сказать. Подумать только, снова женится! Вот уж никак от него не ожидал!

Словно из-под земли, рядом возникла Иза Траби и хрипло рассмеялась:

– Почему бы и нет? Опыт у Макса богатый. Было три жены, так почему бы не появиться четвертой? Ах-ах, взгляните, что за прелесть!

Макс только что застегнул на стройной шее нареченной ожерелье и теперь возился с серьгами, а Мэй продолжала стоять неподвижно. В свете фотовспышек драгоценности переливались зелеными и золотыми отблесками.

– Изумруды, – выдохнул Ангус. – Боже мой!

– Изумруды! Ничего не понимаю! – Уэнди едва не плакала. – Бервин, папа женат на тебе и не может жениться на... на ней.

– Не может, пока не разведется, – спокойно возразила та. – Но развод скоро состоится. На прошлой неделе Макс говорил со мной, так что проблем не возникнет. В конце концов, мы уже тринадцать лет живем врозь.

Уэнди заморгала и посмотрела туда, где стоял Макс, по-хозяйски положив одну руку на плечо Мэй, а другой обняв за тонкую талию.

– Зачем он это делает? Можно понять ее мотивы: роскошный дом, обеспеченность... Но что получит папа? Что способна дать ему такая девушка?

Простодушное восклицание заставило всех с интересом посмотреть на Уэнди, и она ответила искренне недоумевающим взглядом. Бервин отвернулась, а Иза засмеялась.

– Прекрати! – резко оборвал сестру Дуглас. – О чем ты думаешь? Посмотри: он же не может рук от нее оторвать.

Щеки Уэнди покрылись красными пятнами.

– Дуглас, это отвратительно! Папе семьдесят лет!

– Лучше признай, что, наняв эту куколку, ты поступила как безмозглая гусыня. Лакомый кусочек получил великолепный шанс в лице старого распутника. Чего ты ожидала? Никто, кроме тебя, не удивился бы. – Дуглас хлопнул по лбу в притворном отчаянии. – Все, наследство уплыло! Бервин отказалась бы, и мы с тобой отлично это знаем, но китайская куколка слеплена иначе. Когда старик отдаст концы, захватит все, до последнего пенни. Большое тебе спасибо, сестричка!

– Дуглас! Не говори так...

Берди стало жаль Уэнди. Всего пару минут назад бедняжка наслаждалась пленительной картиной: Макс в состоянии старческого слабоумия – милый, благодарный, безопасный. И сама она – преданная, деловитая, заботливая, властная хозяйка роскошного дома. И вдруг в один ужасный, шокирующий момент идиллия оказалась вдребезги разбитой самим Максом, который выскочил неожиданно, как черт из табакерки, и с ослепительной, полной жизни улыбкой благодетельствовал новым планом, новой судьбой, новой мачехой, причем мачехой в два раза моложе Уэнди, которую она сама же и привела в дом. Берди сочувственно наблюдала, как Уэнди безуспешно пытается примириться с новыми обстоятельствами. Интересно, в какую сторону качнется маятник? Постепенно губы начали сжиматься в тонкую линию, а глаза сузились, превратившись в щелочки. Понятно. Значит, вот как это будет.

– Маленькая хитрая дрянь, – выдохнула Уэнди и обвела собеседников негодующим взглядом. – Постоянно крутилась поблизости, плела паутину. Пока я находилась в Англии, папа страдал от одиночества. Говорят, такое нередко случается. Ради благополучия подобные девушки готовы на все. Похоже, Мэй действовала по заранее намеченному плану.

– Не исключено, – заметила Иза Траби, – однако не все потеряно. Поверь моему слову: скоро девчонка вылетит из дома, как последняя шлюха. Я хорошо знаю Макса. Рано или поздно ему станет скучно. Полгода поиграет со своей рабыней, готовой не только сдирать с винограда кожицу, но и сосать член, и на этом идиллия закончится.

Дуглас громко расхохотался, а Уэнди покраснела еще гуще.

– Вы правы, – согласилась Бервин. – Именно поэтому история представляется настолько... нелепой. Понятия не имею, что на него нашло. Сказал мне... – Она замолчала, словно сомневаясь, нужно ли продолжать, а потом откашлялась и произнесла: – Объяснил, что они хотят создать семью. Вот почему Макс решил жениться.

– Дети? – Лицо Изы напряглось. – Невероятно!

– Так он сказал, причем серьезно.

– Неужели? – Дуглас Талли заскрежетал зубами. Сейчас он выглядел по-настоящему рассерженным. – Это уж слишком! Эгоистичный, самоуверенный старый осел. Новые дети, подумай только! Чтобы показать, что может иметь все, что пожелает, делать все, что задумает. У него же куча денег и успех, да и вообще он неподражаемый Макс Талли. А все мы...

– Привет, привет! – пропела Клаудия Бадд сквозь звон браслетов, подплывая в облаке мускусного аромата. – Семейство в сборе! Иза, выглядишь просто великолепно. Привет, Берди. Что за потрясающая новость! До сих пор не могу поверить! А ты, дорогая Бервин, наверное, в шоке!

– Ничего подобного, – сухо отозвалась та. – Нисколько.

– Правда? – Густо подведенные глаза Клаудии округлились в невинном удивлении. Она встряхнула браслетами и небрежно поправила рукава. – Значит, Макс обсуждал с тобой планы?

– Ищешь бесплатные цитаты, Клаудия? – заметила Берди.

Бервин не очень-то умела давать отпор, а Берди давно знала змеиную натуру мисс Бадд.

– Не говори глупостей! – Светская львица раздраженно скривила губы. – Все, что нужно, я уже выяснила у самого Макса. И у Мэй. До чего же малышка мила! Правда, Уэнди? Кажется, служила в доме экономкой.

– Вы фотографировали, – недовольно произнесла та.

– Конечно! Хорошо, что я прихватила с собой Дэрила! Обязательно поместим снимки в следующем номере. Невероятная удача!

– Кругом везет, – пробормотал Дуглас и заработал еще один осуждающий взгляд.

– Если хотите, могу попросить Дэрила сделать семейный снимок, – прощеветала Клаудия, оглядываясь. – Полагаю, будет приятно сохранить память о чудесном вечере. Почему бы вам не подойти к Макс и Мэй – Уэнди, Дугласу и даже тебе, Иза?

– Да, это будет чудесно, – покорно согласилась Уэнди. – Пойдем, Дуглас.

– Бервин, и ты, разумеется, тоже, – небрежно добавила Клаудия. – Слышала, что собираешься написать портрет Мэй и подарить Макс на день рождения. Он сам мне рассказал. Восхитительно!

– Ничего особенного. Мне пора, до свидания. – Бервин повернулась к Клаудии спиной и ушла, кивнув на прощание Ангусу.

– Она обиделась? – Клаудия удивленно вытаращила глаза. – Неужели я сказала что-то не то? Видимо, бедняжка тяжело переживает новость. В этом все дело, правда? Что же, не трудно понять. И явно не хочет фотографироваться. Можно было просто сказать. Разве я возражаю? Но напрасно она капризничает: ради рекламы надо ловить любой шанс. Галереи не пользуются большой популярностью, и люди скоро забудут...

Клаудиа внезапно сообразила, что, бурно отреагировав на уход Бервин, совершила грубую ошибку. Глаза ее померкли, хотя рот по-прежнему продолжал широко улыбаться. Берди с интересом наблюдала, как Уэнди запоздало осознает ход событий.

– Я не знала, что вы собираетесь опубликовать наши фотографии в журнале, – засуетилась она. – Думала, это для нас, на память. Нет-нет, не нужно...

– О! – Клаудиа вскинула голову и прикрыла глаза. – Возможно, вставим парочку, если найдем место. В любом случае это не важно.

– Еще как важно, – театральным шепотом возразила Иза, обращаясь к Ангусу. – Макс, Бервин и Мэй. Господи, что за трио! Муж, жена и невеста. Очаровательно!

– Ах, Уэнди! – не обращая внимания на Изу, продолжала источать яд Клаудиа. – Наверное, нелепо вдруг получить мачеху, которой всего-то двадцать пять лет! Тебе это не кажется странным?

– А ей двадцать пять? – Уэнди с трудом успевала реагировать.

– Эй! – крикнул Макс, пробираясь сквозь толпу. – Эй, Бадд, оставь мою семью в покое, хитрая старая ведьма! Бервин рассказала, что ты затеяла, по пути к выходу из-за твоих интриг. Она ненавидит всякую публичность, и ты вспугнула ее. Веди себя прилично. Я и так подарил сенсацию, а если будешь хорошо себя вести, то подарю еще и свадьбу. И первого ребенка. Иначе все получают соперники!

– За попытку не судят. – Застигнутая на месте преступления, Клаудиа принялась выкручиваться. – Ребенок? И когда ждать пополнения?

– Расслабься, – улыбнулся Макс, поймал взгляд Ангуса, вскинул бровь и добавил: – Она умирает, умирает.

Это была старая шутка.

– Желаю счастья, Макс! – воскликнула Иза, дипломатично сгладив конфликт.

– Папа... – Уэнди мучительно страдала.

– Довольна? – Макс похлопал дочь по плечу. – Знал, что обрадуешься, ведь тебе больше не надо беспокоиться обо мне.

Берди подумала, что он действительно верит в то, что говорит. Даже не подозревает... или все понимает и просто храбрится?

– Простите, но должен выдворить эту скандалистку! – громко заявил Макс. – Пойдем, Бадд. Считай себя уволенной. Вы с фотографом уже и так получили достаточно.

– Мне нужно позвонить.

– Телефон в кабинете. Пойдем, покажу. – Макс повел ее прочь, но оглянулся и беззвучно, одними губами произнес: – Скоро вернусь.

Он пошел дальше, разговаривая и смеясь, на каждом шагу отвечая на поздравления, рукопожатия и даже поцелуи.

Оставшись в одиночестве возле рояля, Мэй Тран проводила жениха взглядом, а потом опустила голову и принялась что-то бормотать в ответ на бесконечные вопросы, доносившиеся из возбужденной гудящей толпы. Маленькие ножки в белых туфлях на шпильке – так захотел Макс – очень устали. Голова разболелась от сигаретного дыма, шума и тяжести драгоценного гребня, скреплявшего на затылке массу блестящих черных волос. Облегающее белое платье сжимало талию и диафрагму, затрудняя дыхание. Изумрудное ожерелье сдавливало шею, а серьги, неумело застегнутые Максом, кололи уши. Однако гладкое, милое личико оставалось спокойным и кукольно неподвижным. Никто не догадался бы, о чем думает Мэй Тран.

Глава 3

Через две недели, ровно в девять утра, в крошечной загроможденной комнатке, которую Берди называла своим рабочим кабинетом, зазвонил телефон. Сжимая в руке кружку с чаем, она пришлепала из кухни и сняла трубку.

– Берди! – раздался знакомый глубокий голос, совсем не подходивший человеку, которому принадлежал.

– Макс?

Кто же еще это мог быть? Но зачем он звонит? И вдруг сердце оборвалось. Папа! Неужели с ним что-нибудь...

– Ангус дал мне твой телефон, дорогая. Надеюсь, не станешь возражать. Нужно кое-что обсудить. Точнее, есть для тебя работа.

– Да?

Берди села за стол, сердце все еще бешено стучало. Она злилась: на Макса – за то, что испугал ее, и на себя – за то, что испугалась. Поводов для страха не существовало. С папой все в порядке, и иначе быть не может. Силен как бык. Виновата та самая вечеринка. Все так заметно постарели, что внезапно стало ясно, как быстротечно время. Вероятно, отрицательно сказалось отсутствие строгого рабочего графика. И при этом неполная загрузка. Свобода, конечно, великолепна, но без постоянной принудительной занятости остается много времени для размышлений. А как раз сейчас с заказами негусто. Пассивный сезон, успокаивала себя Берди. Жарко, дети на каникулах. В общем, целую неделю пришлось довольствоваться разбором бумаг. Она считала это упадком.

Макс что-то говорил. Черт возьми, она прослушала. «Возьми себя в руки, Верити Джейн Бердвуд! У мистера Талли есть работа».

– Простите, Макс. Повторите, пожалуйста.

– Я сказал, что дело запутанное, Берди. Понимаешь... происходит нечто странное. Здесь, в «Третьем желании». Хочу, чтобы ты приехала и разобралась.

– Я?

– На вечеринке Ангус сказал, что ты занялась частными расследованиями. Давно пора! Я ему ответил: с какой стати тебе бесплатно выполнять для них работу полицейских? В любом случае...

– В чем проблема, Макс?

Берди взяла карандаш и засунула за ухо. Любопытно! Трудно представить, что она способна сделать для Макса Талли такого, что не в состоянии сделать он сам, с его-то связями!

– Объясню, когда приедешь. Договорились? Так будет надежнее. Только появись, а дальше дело за мной. Сможешь прямо сейчас?

– Видите ли... – Верити не хотелось выглядеть чересчур доступной. Детектив не имеет права сразу все бросить и прибежать по первому зову. Разве можно довериться такому человеку? – Сейчас обдумаю текущие вопросы и перезвоню. Минут через пять.

Она повесила трубку и посмотрела на распахнутые шкафы в углу комнаты, на неаккуратные кучи бумаг на полу. Одна папка сползла и открылась, выплеснув на ковер содержимое. Очевидно, это знак. Берди приняла решение, подождала, пока проползли три минуты, и набрала номер Макса Талли.

– Приветствую, – раздался его красивый голос, записанный на автоответчик. – Если пытаетесь что-нибудь продать, лучше сразу повесьте трубку и больше не звоните, особенно если вас зовут Йен Фридман. Немедленно сдам в полицию. Ко всем остальным просьба после сигнала назвать себя и свой номер. Спасибо.

Берди улыбнулась, послушно дождалась гудка и произнесла:

– Это Берди.

Трубку сразу подняли.

– Берди? – взволнованно крикнул Макс. – Что скажешь?

– Буду у вас в полдень, – дoloжила она сухо. – Мои расценки...

– О господи! Об этом не беспокойся. Заплачу сколько скажешь. Прихвати все необходимое: хочу, чтобы ты осталась на несколько дней: на два-три – а может, и дольше. Поживешь в комнате экономки – совершенно независимо. Согласна?

Она пожала плечами:

– Согласна.

– Хорошо. И еще. Наверное, прозвучит странно, но просто поверь. Сейчас здесь гостят Уэнди и Дуглас. А Бервин пишет портрет Мэй. Работает в своей прежней студии. Не хочу, чтобы они или кто-либо другой знали, зачем ты приехала. Скажешь, что собираешься помочь мне в работе над книгой, над автобиографией.

– Не знала, что вы пишете автобиографию, Макс.

– А я и не пишу.

– Понятно.

– Ну вот и отлично. Умница. Буду ждать в двенадцать. Пока!

– До встречи, Макс.

Берди положила трубку, поправила очки и вытащила из-за уха карандаш. Итак, требуется особая осторожность. Очень интересно.

Однако через минуту она уже снова набирала номер – на сей раз номер отцовского рабочего кабинета. Секретарша Маделейн ответила со второго гудка и с обычной обольстительной четкостью произнесла:

– Офис мистера Бердвуда.

– Маделейн, это Верити Бердвуд. Отец у себя?

– Соединяю.

Линия щелкнула. Маделейн не была расположена к легкомысленной болтовне. В ее представлении мир ограничивался четырьмя стенами обширного густонаселенного здания, сердцем которого являлась ее тихая обитель, и представлял собой серьезное пространство.

– Что случилось, детка? – раздался мягкий голос Ангуса Бердвуда.

– Привет, пап. Звоню, чтобы предупредить: несколько дней меня не будет дома: поживу у Макса, – на тот случай, если вдруг захочешь связаться со мной.

– Ага, значит, он все-таки добрался до тебя. Времени не терял. Мы с ним разговаривали полчас назад.

В трубке повисло молчание. Так похоже на отца, подумала Берди. Никаких вопросов, никакого вмешательства. Следовательно, нет необходимости врать.

– У него появилась для меня работа, – пояснила она. – Дня на два.

– Хорошо, детка.

– Как только вернусь домой, сразу позвоню.

– Отлично.

– Пока.

– Верити! – Голос отца неожиданно сорвался. – Будь осторожна.

– Постараюсь.

Прежде чем положить трубку, Берди задумалась. «Будь осторожна»? Она предусмотрительно включила автоответчик, вышла из комнаты и направилась в кухню. Вскоре созрел план действий. Выпить чашку свежего крепкого чая. Или даже кофе. С горячим тостом. Потом принять душ, переодеться и собраться. Оплатить несколько счетов. Бензин, банк, почта. В это время дня дорога в «Третье желание» займет около часа. Получается, что навести порядок в бумагах уже некогда. Придется отложить до возвращения.

Жара и духота угнетали. Тяжелая поездка, даже с опущенными стеклами. Наверное, скоро начнется гроза, подумала Берди. В пляжных пригородах, по которым пролегал путь, толпились отдыхающие. Ничего не поделаешь, сейчас школьные каникулы. От Мартинс-Бич дорога поднималась в гору и круто огибала скалу. Внизу плескались волны. Дальше вниз с холма к последнему пляжу, а оттуда к дому Макса. «Вы въезжаете в рай, – гласил яркий плакат. – Пожалуйста, будьте осторожны!» Не такая уж большая проблема, угрюмо подумала Берди, когда поток машин уплотнился и медленно пополз по бульвару Парадиз. Казалось, будто едешь по раскаленному тоннелю. Жар отражался от стекла, металла и кафеля витрин, выстроившихся по обе стороны дороги, поднимался от черного шоссе, тек с огромной асфальтовой автостоянки, тянувшейся из конца в конец невидимого пляжа.

Внезапно Берди осознала, что уже давно не ездила в это время дня. С детских лет Парадиз заметно изменился. Увеличилось количество магазинов, торговавших едой навынос. Кинотеатр, куда Уэнди когда-то водила их по субботам, превратился в супермаркет. Появились бутики. Сувенирные лавочки. Аптеки. Мясные магазины. Рыбные магазины. Теннисный магазин. Магазин товаров для серфинга. «Макдоналдс». Магазин для рукоделия. Зоомагазин. Компьютерный магазин. Банк. Видеосалон. Пекарня «Милли». Магазины деликатесов, выглядевшие так, словно продавали не только ветчину, солонину и копчености. Две темные арки с вывесками, энергично объявлявшими о присутствии скрытых от глаз толпы обитательниц. Однако знакомый отель «Парадиз» по-прежнему оставался на месте. Берди заметила его вдалеке, в том конце пляжа, где шоссе поднималось, огибая мыс: симпатичное старинное здание в два этажа, опоясанное ажурной верандой.

Тихо застояв, она притормозила перед пешеходным переходом. Изнемогая от зноя, терпеливо смотрела, как толпа движется по горячему асфальту: из магазинов и ресторанов на пляж: с пляжа в магазины и рестораны. Коричневые от загара девушки в бикини, с завязанными на талии полотенцами. Лохматые подростки босиком и в широких шортах. Вульгарные мужчины с волосатыми спинами и в ничего не скрывающих плавках. Измотанные мамы в широкополых шляпах, с колясками, где пухлые липкие малыши шурят от солнца и расталкивают ногами загромождающие пространство полотенца, сумки и бутылки с водой. Дети. Десятки и сотни детей с намазанными разноцветным защитным кремом носами, с полными песка трусами, с мороженым, напитками, чипсами, гамбургерами, пончиками, коктейлями в грязных руках. Рай. Больше похоже на ад, подумала Берди, сжимая скользкий руль в мучительном ожидании, когда же наконец толпа схлынет и последний пешеход благополучно шагнет на тротуар. На лбу выступил пот, причем не только от жары.

Машины тронулись. Поползли. Остановились. Снова поползли. Опять остановились. Два водителя направились к одному и тому же месту на парковке возле супермаркета. Стоп. «Ну давайте же!» – взмолилась Берди, из гордости не позволяя себе сигналить, но радуясь, что тот, кто стоит за ней, все-таки не вытерпел и нажал на гудок. А в следующее мгновение она увидела Дугласа Талли. Он быстро шел по тротуару, словно старался не отстать от хорошенькой девушки в джинсах, с собранными в «конский хвост» светлыми волосами. Улыбался, как акула, и что-то оживленно говорил, явно стараясь обворожить спутницу. Покоритель женских сердец не жалел ни времени, ни усилий. Берди отвернулась и съездила на сиденье, стремясь стать невидимой. Поползли. Остановились. Поползли. Остановились. Вереница машин, бампер в бампер, пыталась свернуть поперек движения, чтобы въехать на парковку. И вдруг дорога очистилась. Наступила вожаделенная свобода.

В сопровождении свистящего в ушах морского бриза Берди помчалась мимо отеля «Парадиз» вверх по холму, в объезд мыса, по плоской ленте прочно обхватившей скалу и свернувшей влево дороги. На короткое время шоссе ушло прочь от моря. Праздные путешественники, конечно, расстроились, потеряв живописные прибрежные виды, однако, чтобы при-

ехать в дом Макса, следовало двигаться по главной дороге вместе с толпой, чтобы потом с чувством превосходства свернуть направо – туда, где узкая, укрытая разросшимися деревьями и звенящая цикадами улочка извивалась и медленно взбиралась в гору. Здесь не существовало ни бордюра, ни кювета. Налево и направо ветвились едва различимые переулки, отмеченные грязными знаками с изображением тупика. Казалось, люди здесь не обитают, однако время от времени дорожка и ворота указывали на скрытое от глаз жилище.

Достигнув вершины, улица выпрямлялась. Сюда доносился шум бьющихся о камни волн. Скалу венчали два дома: наполовину скрытый деревьями скромный коттедж Изы Траби и огромный особняк «Третье желание». Берди остановилась на песчаной площадке возле высокой каменной стены и вышла из автомобиля. В нос ударил своеобразный запах – смесь солевого тумана и гниющих на жаре фруктов. На ветках кричали попугаи. За стеной слабо колыхались пальмы. Берди приблизилась к калитке и, как рекомендовала малозаметная табличка возле почтового ящика, нажала кнопку переговорного устройства. Динамик что-то прохрипел.

– Верити Бердвуд, – произнесла Берди в пространство. – К мистеру Талли.

Калитка щелкнула и открылась. Второй раз за две недели пришлось взбираться по каменным ступеням – теперь еще и с тяжелой сумкой на плече, – по пути проклиная путавшихся под ногами кошек и щекотавшие лицо ветки. Макс стоял на вершине лестницы и ждал ее.

– Как раз вовремя! – воскликнул он, блестя стеклами очков.

Берди увидела, что хозяин возбужден. От ярко-желтой рубашки с черными закорючками рябило в глазах. Приветливая улыбка казалась слишком широкой, а вытянутая рука чересчур крепко сжала ладонь.

– Входи. Душно, правда? Хочешь пить? Может, холодного чая?

Макс увлек Верити в прохладу кондиционера, быстро, настороженно осмотрелся, достал из кармана связку ключей и указал на закрытую дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.